

— ТРОПА КИРАНЧЫ —
ВЕНЕРА ЖУРАВЛЁВА

ПЕЧАТЬ
СЕРДЦА

КАЗАНЬ, 1970

18+

Венера Журавлёва
Тропа Киранчы. Печать сердца
Серия «Тропа Киранчы», книга 1

<https://litres.ru/73999713>

SelfPub; 2026

Аннотация

Гуляйха — аспирантка и рунолог из Казани, выросшая в семье хранителей древней Печати. Когда в городе начинают исчезать студенты, а в старых кварталах появляются странные знаки и тени, она оказывается втянута в тайну, о которой её род молчал веками.

Следы ведут к Теневому Угулу — месту, связанному с древней сущностью Киран-Тару. Вместе с загадочным Амиром и существами из татарских преданий Гуляйха пытается понять, кто нарушил равновесие между мирами.

«Тропа Киранчы» — атмосферное фэнтези с элементами мистики и городского фольклора, с элементами татарской мифологии. История сочетает мрачную сказочную эстетику, тему семейной памяти и напряжённое приключение о выборе, цене силы и границе между светом и тьмой.

Содержание

Глава 1. Там, где стены слушают.	4
Глава 2. След старых троп.	16
Глава 3. Там, где память оживает.	30
Глава 4. Дом у Казанки.	46
Глава 5. Пробуждение Угула.	65
Глава 6. Дом между мирами.	76
Глава 7. Майский зов	91

Венера Журавлёва

Тропа Киранчы.

Печать сердца

Глава 1. Там, где стены слушают.

Год стоял 1970-й. Время, когда Печать еще держала мир ровным, как стекло над глубокой водой. Большинство людей верило, что так будет всегда. Но кто умел слышать знали: реальность уже дала первую незаметную трещину.

Сугробы таяли рывками, обнажая клочья темной травы и серый асфальт. Казань не любила хранить лишнего. Сбрасывала снег, как прошлогодние тайны. Гуляйха отодвинула ветку сирени. Почки на ней набухли не по времени. От ветки веяло теплом, но двор оставался в мартовской сырости, с остатками грязного снега в тени. Воздух был влажный, с терпким запахом земли.

Она задержала взгляд на тонких ветках. Бабушка говорила, что сирень первой замечает тех, кто приходит не из своего времени. Тогда Гуляйха смеялась над словами. Сейчас почему-то вспомнила их. Сквозь сирень Гуляйха посмотрела в узкий проход между общежитием и соседним корпусом. Никого. Только грязный лед и ржавые трубы, уходящие в под-

вал. Но тишина там стояла неправильная. В ней не хватало самого простого шороха шагов.

Общежития она не любила. Очень много одинаковых дверей, тесных коридоров, запахов чужой еды, случайных лиц в халатах и тапках. Но сейчас дело было не в этом. Пропала Лейсан. Они знали друг друга уже третий год. Истфак КГУ, кафедра истории. Гуляйха вела семинары, иногда читала лекции, разбирала курсовые и помогала профессорам с архивами. Лейсан почти всегда сидела на первых рядах.

Большинство студентов к концу пары начинали смотреть в окно, рисовать на полях или передавать записки по рядам. Лейсан слушала так, словно каждая дата могла изменить мир. Она вечно носила с собой стопки исписанных листов. Конспекты напоминали поле археологических раскопок: стрелки, пометки, вопросы, цитаты. Иногда записи на полях были интереснее самой лекции.

Гуляйха однажды случайно заглянула в ее тетрадь и увидела: «Если бы Геродот жил в советское время, он писал бы очерки для «Советской Татарии». И наверняка спорил бы с редактором в каждом номере».

Тогда Гуляйха невольно улыбнулась.

— Очень самоуверенное предположение.

— Зато правдоподобное, — серьезно ответила Лейсан.

Лейсан впервые привлекла внимание Гуляйхи еще на первом курсе. Тогда шел обычный семинар по истории Волжской Булгарии. Профессор привычно рассказывал материал

по конспекту, а студенты старательно делали вид, что записывают.

— Основным источником считается...

Он не успел закончить.

— Не единственным, — спокойно сказала Лейсан.

В аудитории сразу стало тихо. Профессор снял очки.

— Простите?

— Есть еще арабские записи. Они противоречат этой версии.

— И какие же?

Лейсан без запинки назвала автора, дату и страницу. Гуляйха тогда впервые увидела, как преподаватель потерял нить разговора. После занятия она догнала студентку в коридоре.

— Ты всегда споришь с преподавателями?

— Только когда они ошибаются.

— Опасная привычка.

— История вообще опасная вещь.

В этом была вся она. Она вообще разговаривала с мертвыми легче, чем с живыми. Не потому, что была странной. Просто люди прошлого казались ей честнее. Неделю назад, за крепким турецким кофе в маленьком кафе на Кремлевской, она сказала:

— Есть работа мечты.

Гуляйха тогда только усмехнулась:

— Это когда за тебя моют посуду и еще платят.

Но Лейсан не шутила. В университетских фондах, говорила она, пылятся артефакты из верховьев Камы. Камни с рунами, которых никто прежде не видел. Времени теперь стало сколько угодно. Лейсан исчезла. И чувство вины цеплялось за нее так же упрямо, как мартовская грязь за подошвы. Если бы она открыла архив на неделю раньше, возможно, сейчас стояла бы здесь не одна. Разум подсказывал, что это глупость. Но чувство вины никогда не интересовалось логикой.

На самом деле дело было не только в Лейсан. Чувство вины редко приходит одно. Оно всегда приводит за собой старые воспоминания. Когда-то давно она уже не успела. Тогда все выглядело гораздо проще. Обычная просьба. Обычный разговор. Ничего важного. По крайней мере ей так казалось. Она до сих пор помнила тот день удивительно отчетливо. Солнечный свет на подоконнике. Запах библиотечной пыли. Чужой голос:

— Когда освободишься, зайди ко мне.

Она не зашла. Сначала появились дела. Потом работа. Потом стало поздно. С тех пор Гуляйха избегала слово «потом». Потому что жизнь слишком часто превращала его в слово «никогда». Поэтому сейчас исчезновение Лейсан ощущалось особенно остро. Не как очередная загадка. Как второй шанс, который она могла снова потерять.

Последний разговор всплыл в памяти неожиданно отчетливо.

— Посмотри фонды, пожалуйста, — попросила тогда

Лейсан.

— После сессии, — ответила она.

Тогда эти слова прозвучали легко. Почти машинально. Таких просьб за день бывало десятки. Но теперь ей казалось, что именно в тот момент она закрыла дверь, за которой Лейсан еще могла остаться в безопасности. Тогда слова ничего не значили. Теперь же звучали как оправдание, которое никто не собирался принимать.

Исчезла Лейсан красиво. Как из тех историй, которыми любила пугать первокурсников. Вчера вечером, по словам соседки, Лейсан вышла «на пару минут». С рюкзаком, в пуховике. Бросила: «Надо кое-что проверить». А утром ее вещи так и лежали на стуле, ключи оставались в кармане пальто, недопитый чай стоял на подоконнике. Пропала только сама Лейсан. Будто кто-то очень аккуратно вырезал ее из мира, не тронув ничего вокруг.

Вдоль дорожки к общежитию тянулись лужи с тонким льдом, хрустящим под ногами. А снегу в проходе, куда она свернула, остались следы.

— Вот здесь, — подтвердил негромко вахтер, с легким южным акцентом. — Шла, а потом провалилась.

Он помолчал.

— Искала чего-то. Или кого-то. Несколько месяцев.

Вспомнилось, как в последние недели Лейсан приходила на занятия усталой. Под глазами залегли тени, а в разговорах все чаще появлялись руны и старые записи. Тогда Гуляйха

решила, что это обычное увлечение исследователя. Несколько месяцев — именно это не давало покоя. Чтобы столько времени искать руны, Лейсан должен был кто-то направить. Архивы не открывают тайны случайным прохожим.

На стене висело старое объявление. Поверх него кто-то наклеил знак из переплетенных кругов. Гуляйха замерла. Этот символ уже встречался ей в исчезнувшем архивном деле.

Вахтер кивнул в сторону прохода.

— Часто сюда приходила. Все стены разглядывала.

— Стены?

— Ждала, что они ответят.

Гуляйха уже хотела усмехнуться. Но не усмехнулась. Потому что сама однажды слышала ответ. Потому что сама однажды слышала ответ. Тогда ей было лет десять, бабушка часто водила ее через старую Татарскую слободу. Тогда девочка постоянно задавала вопросы. Почему дома стоят именно так. Почему улицы изгибаются. Почему некоторые дворы кажутся пустыми даже днем. Однажды бабушка остановилась возле старой кирпичной стены. Положила ладонь на камень. И сказала:

— Камень тоже помнит.

— Камень не умеет помнить.

— Люди быстро забывают. Камень медленно.

Тогда Гуляйха только рассмеялась. А вечером бабушка добавила:

— Если когда-нибудь услышишь ответ, лучше сразу уходи.

— Почему?

— Потому что стены отвечают не всем.

Вахтер почесал затылок сквозь вязаную шапку и, оправдываясь, добавил:

— Я тут тридцать лет сижу, а такого не видел.

— Спасибо, что показали, — тихо сказала Гуляйха.

Гуляйха присела возле следов. Снег здесь успел осесть и подтаять, превратившись в серую зернистую кашу. Но сами отпечатки сохранились удивительно хорошо. Три шага. Еще один. Потом следы становились неровными. Гуляйха невольно представила этот вечер. Лейсан выходит из общежития. Идет сюда одна. Останавливается. Смотрит вперед. Что она увидела? Человека? Руну? Открытую дверь? Последний след уходил глубже остальных, словно именно там она замерла перед выбором.

Гуляйха провела пальцем рядом с отпечатком, не касаясь его.

— Никто больше сюда не заходил?

— Только милиция, — ответил вахтер.

— Милиция была?

— Была...

— И?

Сказали, могла уйти сама.

Гуляйха покачала головой. Лейсан могла забыть поесть,

проспать экзамен или потерять тетрадь. Но документы никогда. Она снова посмотрела на следы. Лейсан остановилась. Гуляйха невольно вспомнила архивные заметки о старых пограничных местах. Люди часто писали одно и то же: перед переходом человек замирал, точно видел то, чего не замечали другие.

Гуляйха внимательно рассматривая последний отпечаток.
— Кызык..

На стене, чуть выше уровня глаз, чернел символ, нацарапанный чем-то острым. Гуляйха подошла ближе. Отдельные элементы были знакомы. Древние защитные формы. Фрагмент связующей руны. След старой пограничной записи. Но вместе они не складывались ни в одну известную систему. Символ был составлен по всем правилам рунического письма. И одновременно нарушал каждое из них.

Она нахмурилась. Так не бывает. Но именно это она говорила себе десять лет назад. Перед тем как увидеть первую живую руну. И именно поэтому ей хотелось понять, как это устроено. Сердце ударило чаще. Вдруг стало трудно вдохнуть. На короткое мгновение ей захотелось просто уйти. Вернуться в университет. К архивам. К понятным вещам, которые не двигались, стоило отвернуться. Но если она уйдет сейчас, то никогда не узнает, что случилось с Лейсан.

Руна продолжала меняться. Если смотреть прямо, знак казался неподвижным. Но стоило перевести взгляд чуть в сторону, линии смещались. Совсем немного, так если бы ру-

на медленно меняла собственный рисунок. Гуляйха подняла руку. Не касаясь стены. Пальцы остановились в нескольких сантиметрах от штукатурки. По спине пробежал холод. Три года назад ей попала статья ленинградского исследователя о самопереписывающихся рунах. Тогда работа показалась ей псевдонаучной. Теперь она уже не была так уверена. В последние годы она часто замечала за собой одну неприятную привычку: сначала объявлять невозможным всё, что не укладывалось в её представления о мире. А потом тратить месяцы, признавая собственную ошибку.

Она подняла руку, почти касаясь трещин в штукатурке. И в тот миг ощутила чужой взгляд. Из глубины тени выступила фигура. Не шагнула, скользнула. Худая, прозрачная, с лицом, в котором все было слишком остро. Серо-стальные глаза смотрели пристально, не моргая.

— Кто ты?

Фигура слегка наклонила голову.

— Граница тонка.

Голос прозвучал сухим шелестом.

— Ты стоишь на ней.

— Для кого поздно?

Но существо уже растворялось. Через мгновение двор снова был пуст. Кто-то привёл Лейсан сюда задолго до её исчезновения. Совпадение постепенно переставало быть совпадением. Гуляйха осторожно провела ладонью рядом со знаком. Линии дрогнули. Пальцы тут же свело холодом. Она

резко отдернула руку. Знак изменился. Теперь она была уверена. Несколько линий сместились. Совсем чуть-чуть, но сместились.

— Коч, — сорвалось с ее губ.

Рука поднялась сама. Память оказалась быстрее страха. В воздухе проступили тонкие синие начертания. Тусклые, как след далекой искры. Они пересеклись, складываясь в квадрат с перекрестием внутри. Каждый штрих отзывался тупой болью в висках.

— Подготовить. Начертить. Напитать.

Голос звучал едва слышно. Линии вспыхнули. Легкое давление разлилось вокруг. Прозрачный купол защиты мягко сомкнулся. Пульсация знака ослабла, но не исчезла. Гуляйха медленно выдохнула. Теперь она могла рассмотреть его ближе. И все же ощущение было таким, словно за стеной кто-то ждал.

Она снова протянула руку к символу.

— Не трогай. Он еще горячий.

Гуляйха замерла, с ощущением, что невидимая рука легла ей на затылок. Голос был негромкий, с оттенком насмешки и ровный, чужой, чтобы быть человеческим. Медленно повернув голову, она увидела его.

На краю грязного сугроба сидел черный кролик. Настоящий, с густой, лоснящейся шерстью, влажной от тающего снега. Но в этой шерсти тлели искры: мелкие точки света вспыхивали и гасли. Он сидел абсолютно черный, даже усы.

Только глаза были глубоки, как колодцы ночного неба. В них мерцали звезды. Не отражались — они жили там, вращались медленно — холодные, далекие.

Что-то древнее шевельнулось в памяти. Не воспоминание, даже бабушкина сказка, услышанная когда-то перед сном.

— Кара куян... — выдохнула она. — Черный кролик...

Бабушка рассказывала о нем всего дважды. И оба раза заканчивала историю одинаково: «Если встретишь его — значит, тропа уже выбрала тебя».

Кролик дернул ухом.

— Раз узнала, значит, память тебя еще не подводит.

— Или кофе было слишком много.

— Это тоже возможно.

Гуляйха невольно усмехнулась.

— Что ты здесь делаешь?

— Наблюдаю.

— За кем?

— Сегодня за тобой.

Она посмотрела на знак.

— Это связано с Лейсан?

Он спрыгнул с сугроба.

— Если хочешь найти свою студентку идем.

Нормальный человек не идет за говорящим кроликом. Нормальный преподаватель истории тем более. Но нормальный преподаватель истории не видел и живую руну. И не искал пропавшую студентку. Но история учила ее одной вещи:

самые странные свидетельства иногда оказываются самыми правдивыми.

— Почему я должна тебе верить?

— Не должна.

— Тогда зачем ты мне помогаешь?

— А кто сказал, что помогаю?

И прежде чем она успела возразить, зверь прыгнул в щель между корпусами и исчез. Ее разум еще мог подобрать объяснение: усталость, стресс, много кофе. Гуляйха стояла, глядя на пустой проход. Символ на стене дрогнул.

— Ненавижу загадки, — пробормотала она и шагнула следом.

Глава 2. След старых троп.

Поначалу шла быстро, стараясь не думать, что идет за черным кроликом из чужих сказок. Сам факт этого похода уже казался ей нелепым. Куян — так он себя назвал — двигался странно: то резко усакивал вперед, то застывал в полной неподвижности, пока она почти не подходила в плотную, и только тогда прыгал дальше. Его движения были не звериные, а какие-то рваные, как у тени, не решившей, в чем ей обернуться.

В какой-то момент он остановился. Воздух вокруг него дрогнул. Уши вытянулись. Спина поднялась выше. Через несколько секунд рядом с Гуляйхой двигался уже не обычный кролик, а зверь почти ей по плечо. Его глаза сияли ярче.

Она лишь вздохнула.

— Конечно. Почему бы и нет.

Куян ничего не ответил. Они шли вдоль стены корпуса, мимо ржавой двери, за которой басовито гудели трубы. Затем свернули за арку. Там было темнее, чем должно быть в такое время суток.

— Здесь, — сказал он. — Слушай стены.

— Я больше читаю, чем слушаю.

— Иногда это одно и то же.

Куян неожиданно остановился.

— Что?

— Раньше здесь был другой двор.

— Здесь общежитие.

— Сейчас.

Он дернул ухом.

— До этого стоял дом. Еще раньше баня. А еще раньше кладбище.

Гуляйха вздохнула.

— Конечно.

— Люди любят строить новое поверх старого.

— В этом нет ничего удивительного.

— Есть.

Куян посмотрел на стену.

— Старое никуда не уходит.

Ветер пронес по двору обрывок газеты.

— Знаешь, кто жил здесь до людей?

— Дай угадаю. Еще один говорящий кролик?

— Су иясе*приходил сюда от Кабана.

Гуляйха нахмурилась.

— Дух воды?

— Хозяин воды.

Куян посмотрел в сторону, где за кварталами лежало озеро.

— Вода помнит дороги лучше людей.

— Какие дороги?

— Старые.

Он произнес это так, будто других дорог вообще не суще-

ствовало.

— Когда-то от Кабана расходились тропы. Не для людей.
Для тех, кто жил между мирами.

— Звучит как очередная сказка бабушки.

— Большинство сказок появляются после того, как люди забывают правду.

Гуляйха промолчала.

— И что стало с этими тропами?

— Некоторые исчезли.

— А остальные?

— Остальные ждут.

В его голосе мелькнула неожиданная серьезность.

— Раньше такие места охраняли.

— Кто?

— Иялэр.

— Духи-хозяева?

Куян кивнул.

— Йорт иясе** следил за домами. Урман иясе*** за лесами. Су иясе за водой.

— А за границами миров?

Кролик посмотрел на старую стену.

— За границами следили самые древние.

— И где они теперь?

Он долго молчал.

— Большинство ушло.

— А остальные?

— Остальные забыли собственные имена.

Стены старые, кирпичные, с облупившейся штукатуркой. Гуляйха коснулась ладонью кирпича. Холод мгновенно пробежал по коже. Необычный холод камня. Из глубины кладки поднялся низкий гул. На мгновение ей показалось, что это голос. Гул не исчез. Наоборот стал отчетливее. Гуляйха закрыла глаза. На мгновение ей показалось, что внутри кирпичной кладки кто-то шепчет. Сначала один голос. Потом второй. Потом десятки. Неразборчивые старые. Она различала отдельные слова. На татарском. На русском. На языках, которых никогда не слышала. Словно стены помнили всех, кто когда-либо проходил здесь. Всех, кто касался этого места. Всех, кто исчез.

— Ты слышишь? — тихо спросила она.

— Нет.

— Совсем нет?

— Я слышу другое.

— Что?

Куян посмотрел вверх.

— Камень вспоминает.

По спине пробежал холод. Гуляйха снова прижала ладонь к кирпичу. Шепот стал громче. На мгновение среди множества голосов проступил один. Четкий и испуганный.

— Не открывай.

Она резко отдернула руку. Голоса мгновенно стихли. Остался только гул.

— Что случилось?

— Ничего.

Но сердце уже билось быстрее. Бабушка говорила, что старые стены никогда не молчат. Просто люди разучились их слушать.

— Здесь что-то произошло, — тихо сказала она.

— Да.

— Лейсан приходила сюда?

— Не раз.

Гуляйха посмотрела на стену внимательнее. Теперь она увидела то, чего не заметила раньше. Несколько линий руны были повреждены. Не временем. Не случайностью. Кто-то намеренно рассек их металлом.

— Замок, — прошептала она.

Куян кивнул.

— Именно.

— И кто-то его открыл.

На этот раз кролик ничего не ответил. В архивах она находила десятки легенд о дверях между мирами. Но ни одной истории, где бы такую дверь удалось открыть дважды. Из глубины арки донеслось шуршание. Сначала тихое, затем резче, с мерзким оттенком, как когти по мокрому дереву. Куян юркнул за ее ногу.

— Не смотри в глаза, — сказал он тихо. — Что бы ни вышло.

Она попыталась ухмыльнуться: ну крыса, ну кошка. Ша-

ги показали обратное. Из тьмы выступили две длинные ноги, тонкие, изогнутые, как у кузнечика. Потом появилось все остальное. Существо было ростом выше пояса взрослого человека. Его тело казалось слепленным из сухих ветвей, лоскутов ткани и чего-то еще, чему не находилось названия. Оно двигалось неровно. Словно заново училось управлять собственным телом. Каждый шаг сопровождался сухим скрипом и хрустом. И все же в этих движениях было что-то знакомое. Неуловимо человеческое. Гуляйха никак не могла понять что именно.

Существо качнулось. Подняло руку. Пальцы дрогнули. Кажется оно пыталось что-то вспомнить. Или кому-то что-то сказать. Там, где должен был быть рот, зиял вырез. Тот самый знак. Только теперь Гуляйха поняла. Символ на стене был не просто замком. Он был лицом. Лицом того, что находилось по другую сторону. И почему-то эта мысль вызвала у нее не страх, а жалость. Существо выглядело не злым. Потерянным.

Куян неожиданно перестал прятаться. Он смотрел на существо внимательно.

— Ты его знаешь?

Кролик не ответил сразу.

— Когда-то таких было много.

— Кто это?

— Заблудившиеся.

— Это не ответ.

— Лучшего у меня нет.

Существо медленно качнулось. В сухих ветвях что-то тихо закрипело.

— Некоторые духи забывают дорогу домой.

— Духи?

— Некоторые люди тоже.

Гуляйха снова посмотрела на фигуру.

— Оно было человеком?

— Возможно.

— А сейчас?

Куян отвел взгляд.

— Сейчас оно ищет.

— Что?

— Себя.

Несколько секунд никто не двигался. Потом существо медленно подняло руку. И в этом жесте вдруг появилось что-то мучительно знакомое. Не угроза. Не предупреждение, а просьба.

— На старых тропах таких называют югалганнар.

— Потерянные?

— Те, кто долго искал дорогу и забыл, зачем шел.

Впервые за все время Гуляйха почувствовала не страх. Жалость. Гул усиливался, отдаваясь в груди и зубах, так если бы стены сами начали вибрировать. Камни становились плотнее И плотнее. Гуляйха прижалась к холодной стене, пальцы впились в шероховатую поверхность.

— Куда? — тихо спросила она.

— По следу, — ответил Куян.

Существо остановилось. Медленно повернулось в их сторону. Глаз у него не было. Но Гуляйха все равно почувствовала взгляд. Холодный и внимательный. Она попятилась и вдруг заметила что-то на полу. Возле стены лежал клочок бумаги. Старый, влажный, испачканный известковой пылью. Сердце пропустило удар. Она узнала почерк сразу.

Гуляйха схватила листок. На нем сохранилось всего несколько строк: «...замок уже открывали раньше...». Гуляйха задумалась. Не потому что речь шла о замке. А потому что точно такую формулировку уже встречала в архивном деле двадцатилетней давности. Ниже шла оборванная фраза: «...если это не ошибка, значит он все еще...». Остальное размыло водой.

— Что значит «раньше»? — резко спросила она.

Куян промолчал.

— Куян...

— Потом.

— Кто открывал эту дверь до нее?

Кролик отвел взгляд. И это было хуже любого ответа. Значит, он знал. Из глубины арки донеслось шуршание. Существо сделало еще один шаг. Камни под ногами дрогнули. На стене впереди вспыхнуло слабое свечение. Линии руны пришли в движение. В кладке проступил проход. Узкий и невозможный.

— Гуляйха, — тихо сказал Куян.

На этот раз без насмешки.

— Сейчас бежим.

Существо шагнуло к ним. Из глубины подземелья донесся новый звук. Не скрип. Не шепот. Чей-то далекий голос. И Гуляйха готова была поклясться, что услышала свое имя.

— Быстро! — рывкнул Куян.— через символ.1

И она шагнула в свет, крепко сжимая в руке мокрый обрывок записки Лейсан. Они проскочили через символ. Мир дрогнул. Воздух стал плотным, точно его можно было резать ножом.

Но это была не просто руна. Гуляйха вдруг поняла, что смотрит не на знак. Она смотрит на дорогу. Под ногами тянулись тысячи светящихся линий. Они расходились во все стороны. Переплетались. Терялись в бесконечности. Некоторые сияли ярко. Другие едва мерцали. Третьи обрывались прямо посреди пути.

— Что это?

Куян долго молчал.

— Тропа.

— Какая тропа?

— Та самая.

Его голос прозвучал непривычно серьезно.

— Люди называли ее по-разному.

Дорогой духов. Путем памяти. Следом предков. Но это всегда одна и та же тропа. Гуляйха медленно повернулась

вокруг себя. Светящиеся дороги уходили сквозь леса. Через озера. Через города и века. Ей показалось, что где-то далеко она увидела Волгу. А возле нее Кабан. И древние дороги, уходящие под воду.

— Они соединяют миры?

— Они соединяют всё.

— Кто их создал?

— Никто.

— Так не бывает.

— Бывает.

Куян поднял голову.

— Тропы появляются там, где долго ходят.

— Люди?

— Души.

Вдалеке двигались силуэты. Старик с посохом. Девочка в старинной рубахе. Воин в кольчуге. Они шли по своим дорогам и не замечали ее.

— Кто они?

— Те, кто помнит путь домой.

— А остальные?

Куян посмотрел на оборванные линии.— Остальные становятся потерянными.

— Как то существо?

— Да.

Несколько секунд они молчали. Затем Куян тихо добавил:

— Именно так исчезают миры.

В этот момент впереди вспыхнуло голубоватое свечение. И Гуляйха увидела Лейсан. Вокруг тянулись спирали света и теней, складываясь в гигантскую руну. Линии шевелились, переплетались, медленно меняя форму.

— Оно живое, — выдохнула Гуляйха.

Впереди вспыхнуло голубоватое свечение. Сначала ей показалось, что это часть узора. Потом свечение обрело человеческие очертания. Гуляйха застыла.

— Лейсан

Фигура подняла голову. Сердце Гуляйхи дернулось так сильно, что стало больно вдохнуть. Несколько бесконечных секунд она просто смотрела. Ошибиться было невозможно. Тонкие нити рун тянулись от ее рук и уходили в бесконечность. Гуляйха шагнула вперед. Линии света потянулись к ее ладони.

На мгновение исчезло все Руны Подземелье Страх Даже голос Куяна. Осталась только одна мысль. Жива. Настолько простая и невозможная, что у Гуляйхи подкосились ноги. Она нашла ее. Наконец-то нашла.

— Лейсан! Слышишь меня?

Фигура вздрогнула. На мгновение в ее глазах мелькнуло узнавание. Именно в этот момент руны вокруг нее вспыхнули. Куян выругался сквозь зубы.

— Поздно.

По пространству прокатился низкий гул. Гул ударил снова. Фигура исказилась. Руны рванулись к ней, затягивая обрат-

но в сияние.

— Лейсан!

Гуляйха бросилась вперед. Но не успела. Пространство вздрогнуло. Что-то огромное и невидимое пришло в движение. Свет погас. Удар отбросил их назад Мир перевернулся. Гуляйха почувствовала, как ее тело летит сквозь холодный воздух. Куян рядом метался, борясь с невидимыми цепями. Через мгновение они уже лежали в снегу возле арки. Уличный свет резанул глаза, снег под ногами хрустнул и только дрожание воздуха позади напоминало: подземелье еще здесь. Гуляйха тяжело поднялась на локтях. Символ на стене потускнел. Только дрожащий воздух напоминал, что проход все еще существует.

— Что она сказала? — спросил Куян.

Гуляйха не ответила. Потому что увидела человека. В тени арки стояла неподвижная фигура. Наблюдала и ждала.

— Орден звездных наблюдателей, — глухо произнес Куян.

И впервые за все время в его голосе не осталось ни капли насмешки. Сердце неприятно кольнуло. Это слово она уже слышала. Один раз. В деле, которое позже исчезло из университетского архива. Она не помнила деталей. Только ощущение, что после упоминания Ордена архивное дело исчезло уже на следующий день.

Мир казался прежним, безопасным. Но Гуляйха знала: подземелье их не отпустило. Оно лишь выдохнуло наружу

и теперь ждало. Она уже собиралась отвернуться, когда заметила на снегу что-то светлое. Возле арки лежал сиреневый лепесток. Гуляйха подняла его двумя пальцами. Лепесток был теплым, так если бы его сорвали несколько секунд назад. Она нахмурилась и спрятала находку в карман пальто. Она разжала пальцы другой руки. Мокрый обрывок записки все еще был при ней. Чернила расплылись настолько, что разобрать слова было невозможно. Нужно будет попробовать восстановить текст. Если это вообще возможно. Она аккуратно сложила обрывок и спрятала в карман рядом с сиреневым лепестком.

Только теперь Гуляйха заметила, что Куян снова уменьшился. Огромный черный великан исчез. Рядом сидел обычный кролик, который легко поместился бы у нее на руках. Вся его внушительность осталась по ту сторону прохода.

Девушка присела на край скамьи и вспомнила бабушкины слова:

— Везде, где тишина, слушай сердцем, не глазами.

Тогда она считала это красивой стариковской мудростью. Теперь уже не была уверена. Гуляйха подняла глаза к небу. Вечер неторопливо спускался на Татарскую слободу, окрашивая старые дома в густой оранжевый свет. Еще недавно было около четырех, но день почти растворился в сумраке. И вместе с ним исчезало ощущение времени. Пора было возвращаться домой.

— Ну и куда теперь? — спросила она, поднимая Куяна на

руки.

— Куда? — Куян моргнул своими круглыми глазами, мягко заурчал, как кот. — Разве не ясно? Куда ты — туда и я.

Он скривил мордочку в подобии усмешки:

— По-другому не умею. — «Шул гына», добавил он на татарском — «вот и все».

Гуляйха фыркнула и осторожно прижала его к себе, пряча в своем пальто. Маленькая черная мордочка торчала наружу, а все остальное теплое, невозможное существо устроилось у нее на груди, так он всегда принадлежало этому месту. Они вышли на центральные улицы. Шум вагонов сливался с запахом металла и легким озоновым привкусом троллейбусных проводов. Витрины отражали остатки закатного света, вывески на русском и татарском — «даруханэ» (аптека), «икм-эк» (хлеб) — мерцали в сумраке. И в каждом огне, в каждом отсвете стекла чувствовалась невидимая нить.

* Су иясе связан с древним культом воды. Считалось, что Су иясе обитает в любом водоеме; вход в его чертоги находится на дне под камнем.

** Йорт иясе (тат. яз) — домовый.

*** Су иясе (тат. яз) — водяная.

Глава 3. Там, где память оживает.

Утро в коммуналке было тихим, почти привычным. Солнце пробивалось сквозь пыльное окно, играя на выцветших обоях. На подоконнике тянулась к свету герань, а за стеной слышались скрип половиц, звон кастрюль и напев татарской мелодии.

Рядом с геранью лежал сиреневый лепесток. Она не помнила, как принесла его домой. И почему до сих пор не выбросила. С того дня, как она оказалась в подzemелье и встретила Куяна, прошло две недели. Лейсан так и не вернулась. Поиски зашли в тупик. За эти две недели Гуляйха успела поднять старые архивные каталоги, поговорить с дежурными нескольких общежитий и дважды съездить по ложным следам. Каждый раз она возвращалась ни с чем. Но остановиться уже не могла. Иногда ей казалось, что она ищет Лейсан уже не ради Лейсан, а потому что иначе пришлось бы признать поражение.

В кармане пальто до сих пор лежал обрывок записки, найденный возле арки. Бумага давно высохла, но чернила расплылись. Удалось разобрать лишь несколько слов: «...не открывай...». И еще: «...слишком поздно...». Остальное превратилось в темные пятна. В университете студенты постоянно спрашивали:

— Где Лейсан? Почему она не приходит?

Каждый раз вопрос звучал одинаково. И каждый раз ей казалось, что студенты спрашивают совсем другое. Почему вы ее не остановили? Почему не помогли? Почему она доверилась вам, а не кому-то другому? Гуляйха отвела взгляд. Ни на один из этих вопросов ответа у нее не было. Она знала, что студенты ничего такого не думают.

Ком подступал к горлу. Гуляйха села на кровати, прогоня остатки сна. Куян встрепенулся, поднялся на задние лапки. Она достала морковь и протянула ему:

— Подкрепись, Куянчик.

Кролик мягко схватил кусочек, уши дрожали. Ночью ей снова снились руны. Те самые линии, что она видела в подземелье. Проснувшись, она почти сразу заставила себя забыть сон. Не получилось. Она собрала волосы, накинула халат и вышла в коридор. Там пахло борщом, капустой и свеживываренным бельем. Вдоль коридора мелькали привычные лица.

Дверь комнаты Марьям напротив была открыта. Женщины напевала под нос, перебирая растения

— Доброе, Марьям апа, — кивнула Гуляйха.

— Иртэнге таннар, балам — дитя мое, утро доброе — повторяла она, обращаясь не к ней.

Чуть дальше Илья возился с велосипедом и радиоприемником. Гуляйха едва заметно сжала плечи и пошла дальше. Бабушка Зайнап с подносом блинов встретила ее по пути:

— Давно не видела тебя, кызым*! Возьми блин, пока теплый.

— Спасибо, эбикэй**, — улыбнулась Гуляйха. — Ваши блины, как утреннее солнце.

— Для тех, кто ищет свет, — хитро подмигнула старушка. — А где Лейсан? Давно ее не видно.

— Уехала к родителям в деревню..... Отдохнуть.....

Слова прозвучали быстро. Даже для нее самой. Она знала родителей Лейсан. Если те появятся в университете, ложь рухнет в тот же день. Ложь прозвучала легко. Именно это испугало ее сильнее всего. Две недели назад она бы никогда такого не сказала. Теперь же начала привыкать. А привыкать к лжи было опасно. Она вдруг поймала себя на мысли, что уже заранее придумывает ответы для следующих вопросов. Если завтра о Лейсан спросит декан — скажет то же самое. Если спросят студенты — тоже. Ложь начинала обрастать подробностями. Именно так, наверное, и рождаются истории, в которые потом начинают верить даже их создатели.

Зайнап понимающе кивнула, похлопала ее по руке сухой ладонью, шепнула «Аллах сакласын» — «пусть Аллах бережет» — и скрылась за дверью. Коридор погрузился в полутьму. Гуляйха осталась с блином в руке. Вопрос Зайнап больно отозвался внутри.

В ванной она умылась, поправила волосы, взглянула в зеркало. Хрупкая двадцатилетняя девушка со кожей с золотистым отливом, темными волосами. Глаза отцовские, миндалевидные, теплые и печальные. В них жила память архивных подвалов, где он исчез. На мгновение ей показалось,

что за плечом мелькнула чужая тень.

Сердце болезненно дернулось. На долю секунды ей показалось, что это отец. Такой же силуэт она помнила по старой фотографии. Иногда ей казалось, что все ее исследования начались именно тогда — в день, когда отец исчез среди архивных полок, оставив после себя больше вопросов, чем ответов. Глупость. Мертвые не стоят за плечом. Но после встречи с Куяном даже эта мысль уже не казалась такой невозможной. Она моргнула. В зеркале снова была только она.

Гуляйха выпрямилась.

— Я — это они, — тихо сказала себе.

За дверь хлопнула соседская дверь, кто-то засмеялся. Жизнь вернулась, но память рода осталась с ней, как тонкая нить, тянущаяся сквозь годы. Вернувшись в комнату, она увидела Куяна. Тот сидел на столе рядом с геранью, морковь почти не тронул. Его улавливая невидимые колебания. Он резко повернул голову к двери, слушал весь дом сразу: скрип половиц, шепот песен, дыхание ветра.

— Если чувствуешь, то скажи что именно.

Куян промолчал.

— Опять тайны?

— Иногда знание опаснее незнания.

— Эту фразу обычно говорят люди, которые сами знают слишком много, — сухо ответила Гуляйха.

Кролик отвернулся. И это раздражало сильнее любого от-

вета. Она погладила его по ушам.

Гуляйха закрыла за собой дверь, аккуратно проверила, что Куян удобно устроился в сумке, и застегнула ее. Его глаза внимательно следили за каждым движением хозяйки.

Спустя час коридор уже утратил утреннюю суету: соседи разъехались кто куда, оставив за собой пустоту. Вдалеке тихо звучала музыка. Вероятно, Марьям апа перелистывала страницы своего дневника и записывала сны. Она верила, что сны приходят не просто так и могут быть подсказками, мелкими нитями, связывающими ее с миром невидимого.

Гуляйха осторожно ступала по скрипучим половицам, подтянула сумку повыше и вышла на улицу. Влажный асфальт отражал серое утро. До работы оставалось три часа. Ее пары со студентами начинались в полдень. Нормальный человек потратил бы это время на отдых. Она снова собиралась тратить его на поиски.

В воздухе кружился легкий холод, смешанный с ароматом талой земли и первой зелени. Казань была привычно живой: голоса прохожих, скрипы старых ворот, звон трамвайных колокольчиков. Гуляйха сжала руки, сердце забилося быстрее. На мгновение она вспомнила отца. Так же он однажды обернулся на университетском дворе, заметив человека, который наблюдал за ним. Тогда она была ребенком и не придала этому значения. Через месяц отец исчез. Теперь память возвращала эту сцену с пугающей отчетливостью.

— Ай, не зря сон этот — пробормотала она.

Куян встряхнул ушами. День, который казался обычным, будет совсем не таким. Она уже собиралась идти дальше, когда заметила мужчину на другой стороне улицы. Темное пальто. Блокнот в руках. Он смотрел прямо на нее. Стоило ей повернуть голову, как человек исчез за углом.

— Куян...

Кролик высунул нос из сумки.

— Поздно заметила.

Гуляйха вспомнила одну из последних встреч с Лейсан. Тогда студентка спросила:

— А если руна начинает меняться сама?

Вопрос показался странным. Она ответила что-то про теорию и редкие аномалии. Сейчас понимала: Лейсан спрашивала не из любопытства. Гуляйха свернула на узкую улицу Татарской слободы. Деревянные дома с резными наличниками дремали в первых лучах утра. На подоконнике лениво растянулась кошка, чувствовался запах свежего хлеба из ближайшей пекарни. Куян, уютно устроившийся в сумке, настороженно двинул ушами.

— Куян, ты чувствуешь? — тихо спросила она, не решаясь нарушить хрупкую тишину.

Кролик встряхнул ушами и посмотрел на нее. Его взгляд был сосредоточен на пространстве перед ними, где скрывался невидимый спутник. Гуляйха обогнула угол и оказалась возле маленькой мечети откуда доносилась утренняя молитва. Солнечные лучи играли на резных узорах деревянных

стен, а слабый ветер доносил аромат липового меда, вываренного работницей для утренней трапезы.

Призрак из общежитского двора следовал рядом. Ее раздражало не присутствие призрака. Раздражало другое. Она начала привыкать к нему. Две недели назад это казалось невозможным. Теперь она уже не вздрагивала при его появлении. Куян насторожился сильнее, и Гуляйха, подтянув сумку, ускорила шаг, решив не отставать от тайн, которые ждали на этих старых, улочках.

С каждым днем Гуляйха все глубже погружалась в расследование. Кошмары стали почти привычными: лица студентов растворялись в туманной воде, над ними мерцали чужие знаки, незнакомые и древние, которых она не видела ни в одном из сводов рун. Символы на местах исчезновений все чаще перекликались с ее собственными исследованиями древних формул, но звучал в них иной ритм — старинный, как созданный до появления известных школ рунологии.

Берег Кабана был окутан влажным туманом. Лейсан тоже бывала здесь. В библиотечном журнале сохранилась запись о книге по старым кабанским святилищам. Ее брали всего два человека за последние десять лет. Лейсан и кто-то еще. Имя второго читателя оказалось вырвано из карточки. На глине виднелись четкие следы босых ног, уходящие в воду, рядом полустертая вязь, похожая на защитную тамгу. Гуляйха замерла. Точно такую же вязь она видела на кулоне Сафии в детстве, когда та рассказывала сказания о Хранителях. Но

здесь знак выглядел иначе. Один из штрихов был намеренно изменен. Для обычного человека разница была незаметна. Для рунолога очевидна.

— Чужая работа, — произнес Куян, сидя на камне. — Запах здесь чужой и старый. Кто-то коснулся Кабана до нас.

Он осторожно шевелил ушами, фиксируя каждый невидимый знак. Гуляйха следовала за ним в старый сквер, где по его ощущениям, «стекалась» сила. Между корней старого вяза мерцала тоненькая полоска света, исчезающая в тень. Легкий ветер шевелил сухие листья, и казалось, что сама земля шепчет об ушедших магических ритуалах.

— Руны не наши, — сказал Куян.

Если Куян был прав, то круг подозреваемых становился еще меньше. Такие знаки не мог оставить случайный человек. Их создавал тот, кто знал старые системы не хуже университетских специалистов.

— Их ставила женщина. Давным-давно. Я видел ее.

— Кто она?

— Не знаю.

— Врешь.

Куян поднял глаза.

— Да.

Гуляйха даже остановилась.

— Что?

— Ты спросила, вру ли я. Иногда вру

— И как мне понять, когда ты говоришь правду?

— Пока никак.

Это был самый честный ответ из всех, что она получила от него за последние две недели. В полумраке сквера, Гуляйха увидела его. Фигура казалась прозрачной, слабое свечение воды обрамляло силуэт. Туман сам облекал его в свет. Сердце Гуляйхи сжалось. Кролик напрягся сильнее обычного, уши дрожали, глаза сверкали вниманием. Она ощутила, что Куян знает его давно, намного дольше, чем она сама.

— Ты его знаешь?

Куян долго молчал.

— Тогда расскажи.

— Нет.

— Почему?

— Потому что тебе не понравится.

— Это мне решать.

— Не всегда.

Гуляйха резко выдохнула. Иногда ей казалось, что разговаривать с архивными документами проще, чем с этим кроликом. Кролик дернул ухом.

— Кто он? — Гуляйха не унималась.

— Ошибка, которая никак не хочет умереть. — пробормотал Куян, едва слышно.

Гуляйха ощутила на себе напряжение. В этих словах скрыто больше, чем просто имя. Кролик тщательно выбирал, что открывать, а что оставлять во тьме. Ее внутренний слух уловил: он играл с ней, давал маленькую ниточку истины, но

главные тайны хранил для себя.

Перед ней стоял призрак. Странно, но страха почти не было. Скорее усталость и жалость. Любой призрак когда-то был человеком. А значит, когда-то тоже терял, ошибался и боялся. Каждое движение призрака отражалось в воде, тонкая магическая сеть Кабана, созданная Су анасы, струилась вокруг него, подчеркивая невидимую связь с прошлым и с Куяном.

— Ты ищешь тех, кто исчез, — произнес он тихо, — но боюсь, найдешь лишь то, что они оставили.

Слова звучали одновременно как угроза и предостережение. Гуляйха почувствовала легкую дрожь вдоль позвоночника. На мгновение ей захотелось схватить его за плечи и заставить говорить прямо. Но даже если бы призраков можно было удержать, она не была уверена, что выдержит ответы.

Каждый раз, когда Амир появлялся, тень Сафии — ее воспоминания, истории, кулоны и сказания — становилась осязаемой, как дыхание за плечом. Вода отозвалась тихим переливом, а чайки взвились, издавая пронзительные крики, повторяя предупреждение.

Призрак остановился у самой воды. Несколько мгновений просто смотрел на Кабан. Не на нее. Будто вспоминал что-то свое. И только потом повернул голову.

— Тогда помоги мне.

Амир усмехнулся.

— Уже помогаю.

— Нет. Ты бросаешь загадки.

— Загадки учат осторожности.

— А люди из-за них погибают.

На мгновение его лицо стало серьезным.

— Именно поэтому я их и оставляю.

Она чуть сжала сумку с Куянем, и кролик, как всегда, улавливал сигналы магии раньше нее, держа уши настороженно поднятыми. Туман стелился над водой, смешивая запахи мокрой земли, первых цветов и дыма от соседних печей. Утро на рынке шумело. Весь город собрался. Смешивались голоса: татарская речь, русский говор, чей-то крик на чувашском. Медные гири на весах звякали, перекликаясь с гулом. С воды приходила прохлада и перемешивалась с ароматами рыбьей чешуи, топленого масла, сушеных трав. Гуляйха пробиралась сквозь толпу, придерживая сумку, в которой сидел Куян. Его уши двигались ритмично. Они ловили не звуки базара, а иной шепот.

— Тише, — шепнула она, поглаживая по сумке.

Но Куян затаился, а затем резко выгнулся. Гуляйха обернулась. Амир был недалеко. Для других он был невидим, но Гуляйха различала его в движении толпы: в просветах между платками и корзинами вдруг мелькало его пальто, блеск перстня или тень плеча. Аура, сотканная из света и тумана, скользила сквозь прилавки, как прозрачный занавес. Рябь пробегала по лужам у его ног, хотя ветер был слаб.

Серо-стальные глаза выхватывали ее из толпы. Губы его

почти не двигались, но Гуляйха уловила:

— Здесь есть след. Смотри внимательнее.

Несколько минут она проверяла прилавки и ничего не находила. Уже начала злиться на Амира, решив, что он снова играет в загадки. Только тогда взгляд зацепился за банку с медом. Она остановилась возле женщины в ярком малиновом платке. Гуляйха сделала вид, что выбирает мед на прилавке. Гуляйха уже потянулась к банке.

— Не надо, — тихо сказал Куян.

— Почему.

— Потому что нас заметят.

Она все равно взяла банку. В тот же миг торговка резко обернулась.

—Эй! Осторожнее!

По стеклу пробежала голубая искра. И несколько человек одновременно посмотрели в ее сторону. Взгляд Гуляйхи зацепился за странный узор, на крышке одной из банок. Почти стертая вязь, начертанная углем. Символ мигнул, откликнувшись на дыхание Амира. На мгновение ей показалось, что узор повторяет линии знака возле арки. Только этот был старше. Намного старше. Куян внутри сумки тихо зашипел, уши настороженно прижались. Сердце ее дернулось. Такой же элемент был на рисунке из тетради Лейсан. Маленький излом в верхней линии. Тогда она решила, что студентка просто ошиблась. Теперь уже не была уверена

Амир остановился у бочки с квасом. Его тень скользну-

ла по банкам и прилавкам едва заметно наложилась на вязь. Сеть света пробежала по узору и погасла. Гуляйха почувствовала дрожь в воздухе. Тонкая нить натянулась между ней, призраком и тем, кто оставил знак. Толпа гудела. Торговки спорили о цене на редис, мальчишка тянул из корзины сухую баранку. Все было как всегда. Но для Гуляйхи мир снова раздвинулся: за повседневной суетой проступала вязь иных знаков, а рядом с ними — чужая сила, пробивающаяся сквозь привычный ритм.

Гуляйха толкнула скрипучую дверь. Пыльный воздух ударил в нос: запах старой бумаги, сухого дерева и забытой истории. Полумрак окутал пространство, зеркала в потускневших рамах отражали лишь тусклые пятна света. Куян в сумке напрягся. Гуляйха осторожно шагнула на скрипучие половицы, вдохнув глубже.

Лавка была завалена старыми вещами: книги с потрескавшимися корешками, выцветшие фотографии, странные статуэтки. От некоторых предметов слышался едва различимый гул.

— Ах, гость! — скрипучий голос прорезал тьму. Хозяин лавки, седой мужчина с тонкими усами и очками на носу, выглянул из-за высоких стопок книг. — Не каждый день заходит сюда молодая девушка. Что ищете? Старое? Редкое? Или просто любопытство?

Гуляйха осторожно пробиралась между коробками и стел-

лажами, прислушиваясь к скрипу половиц. Куян сидел в сумке на плече, уши напряженно дрожали. на оглядела лавку, слегка коснулась пыльного тома:

— Мне интересно, что здесь хранится из старого. Книги, заметки, вещи, которые могут рассказать историю, понять прошлое — сказала она осторожно, не раскрывая напрямую причины.

Хозяин нахмурился, поправил очки и обвел взглядом лавку:

— Хм многое здесь может быть полезно. Но искать нужно внимательно. Некоторые предметы сами по себе особенные.

Гуляйха коснулась пыльного тома, перевернула страницы. Листья шелестели, шепча старые секреты. Пролистав книгу она опустила ее на полку, но ощущение чужого взгляда не отпускало. Хозяин продолжал говорить о вещах, о том, что каждая хранит свой след, свою память.

В сумке Куян затаился, но уши его дрожали сильнее, чем раньше. Он то прижимал их, то резко поворачивал.. Вдруг он едва заметно прижал лапку к стенке сумки. И тогда воздух в лавке изменился. Тишина стала плотной, как ткань. Гуляйха почувствовала знакомое дрожание, холодок вдоль шеи. Она медленно подняла глаза к старинному зеркалу в углу: стекло было мутным, но сквозь пыльную пленку промелькнула тень. Силуэт, неуловимый и все же она знала его.

Амир... Его тонкая рябь по краю зеркала и слабое свечение, дрожащее в отражении, выдавали его присутствие. Хо-

зьяин не заметил перемены. Его голос стал тише, настороженно.

— Вещи помнят больше, чем люди, — сказал он, снимая с полки еще одну шкатулку.

— Но память эта не всегда безопасна. Иногда в ней живет то, что лучше не трогать.

— Например?

Старик долго смотрел на нее. Потом тихо спросил:

— Скажите, девушка А кто научил вас читать старые руны?

Гуляйха замерла. Она еще ни слова о рунах не сказала. Она невольно скосила взгляд на зеркало. Мир не двигался, только его глаза — стальные, холодные — смотрели прямо на нее. Она подняла взгляд и впервые ощутила, что кто-то наблюдает за ними. Сначала не поняла, но движение, едва заметное в отражении потускневшего зеркала, заставило сердце пропустить удар.

Хозяин лавки неожиданно дернул медную гирю на весах, и она задрожала, издавая звон, хотя он сам не дотрагивался до других предметов. Гуляйха сжала сумку. Куян напрягся, уши направлены вперед, нос уловил странный холодок и запах смолы, старой бумаги и чего-то древнего. Сначала едва заметное мерцание на краю блокнота или блеск перстня, отражавшийся в гире. Затем магическая сеть Кабана, едва уловимая, струилась по лавке. Гиря дрожит сильнее, тени смещаются, книга слегка «отталкивается» от стеллажа.

— Смотри сюда, — шептал он ей, и Куян реагирует мгновенно, лапкой показывая точку интереса на полке.

Хозяин лавки, недоумевая, сдвинул очки, тронул гирию и она опять задрожала.

*Кызым(тат. кыз) — дочь, доченька, моя дочь.

** Эбикэй (тат. эбикэй) — это ласкательное обращение к бабушке в татарском языке.

Глава 4. Дом у Казанки.

Вечерний трамвай звякнул на повороте так резко, что Гуляйха вздрогнула. На мгновение ей показалось, что звук пришел не с улицы, а из сна. Она остановилась посреди тротуара и оглянулась. Мимо шли люди. Пожилой мужчина в кепке нес сетку с картошкой. Девочка перепрыгивала через лужи. Из открытой форточки доносилось радио. Знакомый голос диктора рассказывал о посевной кампании где-то в Поволжье.

Обычный апрельский вечер. И все же внутри оставалось ощущение, что часть ее до сих пор не проснулась. Гуляйха плотнее сжала ремень сумки. Изнутри тихо шевельнулся Куян.

— Все хорошо, — пробормотала она.

Но сказала это скорее себе, чем кролику. После архива прошло всего несколько дней. Несколько дней она пыталась убедить себя, что всему можно найти рациональное объяснение. Старые записи. Совпадения. Усталость. Но чем настойчивее она искала объяснения, тем чаще вспоминала голос из сна и знаки, которые не должны были существовать. Самое неприятное заключалось не в том, что кролик разговаривал. А в том, что она уже знала некоторые вещи, о которых он говорил. Тетрадь с пожелтевшими страницами лежала сейчас в ее сумке, аккуратно завернутая в платок. Символы из нее

никак не выходили из головы. Они были похожи на знаки у Кабана. А потом был сон. Теневой Угул. Киранча. Амир. Слова всплывали в памяти обрывками. Гуляйха тряхнула головой.

— Хватит, — сказала она вслух. — Если начну разговаривать с собственными снами, студенты окончательно решат, что их преподавательница сошла с ума.

Из сумки донеслось тихое фыркание.

— А ты не смейся.

Куян ткнулся носом в ткань. От этого стало немного легче. Старо-Татарская слобода встречала ее привычным уютом. Деревянные дома стояли вдоль улицы плечом к плечу. В окнах уже загорались огни. Где-то хлопнула калитка. Из пекарни на углу тянуло свежим хлебом. С другой стороны улицы доносился запах жареного лука и бульона. У кого-то начинался ужин. После дождя земля еще не успела просохнуть. Воздух пах мокрыми досками заборов, молодой травой и речной прохладой.

В детстве ей казалось, что эти запахи никогда не изменятся. Что всегда будут существовать эти дома, этот вечерний свет и отец, который идет рядом. От внезапной мысли защемило сердце. Она свернула в знакомый переулок. Здесь прошло ее детство. Когда-то отец водил ее этими улицами к сестре. Тетя Сафия тогда казалась ей настоящей волшебницей. Не потому, что знала магию. А потому, что умела отвечать почти на любой вопрос. Почему весной Казанка пахнет

иначе. Почему старые деревья скрипят перед грозой. Почему некоторые сказки нельзя рассказывать после заката. Маленькая Гуляйха верила каждому ее слову. Теперь она выросла. Но желание прийти к Сафии после всего случившегося оказалось почти детским. Потому что иногда человеку нужен кто-то, кто скажет: «Сядь. Выпей чаю. Расскажи все по порядку».

Куян неожиданно зашевелился. Одно ухо приподнялось. Потом второе. Гуляйха почувствовала это движение через ткань сумки

— Что такое?

Кролик замер. Несколько секунд ничего не происходило. Только ветер качнул ветви молодой сирени. Потом Куян снова успокоился.

— Вот и я о том же, — вздохнула она.

Однако тревога осталась. Кто-то наблюдал. Не враждебно. Просто внимательно. Или ей уже начинало мерещиться. Она ускорила шаг. Вскоре впереди показалась знакомая улица у Казанки. Здесь становилось тише. Шум города отступал. За деревьями уже поблескивала вода. Над рекой поднимался легкий вечерний туман. Дом Сафии стоял почти таким же, каким Гуляйха помнила его с детства. Двухэтажный, деревянный, на каменном фундаменте. Беленая основа светилась в сумерках. Резные наличники отбрасывали причудливые тени. Темно-зеленая крыша пряталась среди ветвей старых яблонь. Сирень вдоль забора уже готовилась зацве-

сти. Откуда-то доносился запах мяты. Во дворе горел фонарь. Теплый желтый свет ложился на крыльцо. И Гуляйха почувствовала, как напряжение последних дней начинает отпускать. Совсем чуть-чуть.

Из дома донесся мужской смех. Потом второй голос. Еще один. Она остановилась и нахмурилась.

— Подожди-ка..

Во дворе стоял старенький грузовик. Гуляйха узнала его сразу. Такие машины часто ездили через их деревню. Сердце неожиданно подпрыгнуло.

— Нет...

На крыльце хлопнула дверь. И в следующий момент наружу выскочил парень с родинкой на щеке. Увидев ее, он застыл. А потом заорал на весь двор:

— Эни*! Гуляйха апа приехала!

Из дома тут же донеслись шаги. Много шагов. Гуляйха улыбнулась прежде, чем успела что-то сказать. Похоже, ее ждал сюрприз. Кухня тети Сафии была самым теплым местом в доме. Не из-за большой белой печи, хотя та исправно отдавала накопленное за день тепло. И не из-за самовара, тихо посвистывающего на краю стола. Тепло здесь рождалось из другого — из голосов, смеха и ощущения, что тебя всегда ждут.

За окном темнели влажные клочья прошлогодней травы под заборами. По водостокам стекала талая вода. Гуляйха поднялась по знакомым деревянным ступенькам и едва успе-

ла переступить порог, как ее крепко обняли.

— Кызым...

Она сразу узнала этот голос. Мама, Рашида Зарипова, приехала из деревни всего несколько часов назад. Невысокая, немного уставшая после дороги, в светлом платке и старом темном пальто. Время тронуло ее волосы серебром, но глаза остались прежними — внимательными, добрыми и немного тревожными. Гуляйха вдруг почувствовала себя не двадцать шестилетней преподавательницей университета, а девочкой, которая вернулась домой после долгого дня. На мгновение исчезли архивы, пропавшие студенты и странные символы. Осталась только мама. И неожиданное желание спрятаться от всех загадок мира в ее объятиях.

— Исэммне**, эни!

— Исэммне, кызым. — мать коснулась ее щеки ладонью —
Совсем похудела.

— Неправда.

— Правда.

— Это научное наблюдение или медицинский диагноз?

Рашида рассмеялась. Из кухни выглянула Сафия.

— Ну хватит стоять в коридоре. Самовар стынет.

Сафия-апа ничуть не изменилась. Все такая же высокая, с прямой спиной и спокойным лицом, на котором уже серебрилась седина. Только глаза оставались прежними. Темные, внимательные, успевающие прочесть человека раньше, чем тот успевал поздороваться.

— Заходи уже.

Гуляйха сняла пальто и прошла в кухню. Посреди стола красовался большой бэлеш. Румяный, золотистый, с аккуратной крышечкой из теста наверху. Рядом стояли тарелки с губадией, свежим хлебом и маленькими пиалами с вареньем. Запах стоял такой, что у нее сразу заурчало в животе.

— Вот это я понимаю, встреча, — сказала она.

— А ты думала, мы тебя сухарями кормить будем?

Из-за стола поднялся Марсель. Старший брат выглядел так, словно только что сошел с агитационного плаката о счастливой советской молодежи. Высокий, широкоплечий, в светлой рубашке с закатанными рукавами.

— Товарищи, внимание! — торжественно объявил он. — Прибыла знаменитая ученая.

— Опять начинаешь?

— Конечно.

Он широко развел руки.

— Доцент университета. Специалист по древностям. Гроза библиотекарей.

— Почему библиотекарей?

— Потому что ты берешь книги и не возвращаешь вовремя.

— Клевета.

— Документально подтвержденная.

Гуляйха фыркнула. Марсель был старше ее на три года и с детства обладал редким даром превращать любое серьезное

событие в повод для шутки. У окна сидел Аскер. Ему было двадцать семь и они все были почти погодками. Сначала шел Марсель, за ним Аскер, и любимая сестренка Гуляйха. Брат поднял взгляд от чашки чая и слегка улыбнулся.

Гуляйха опустила на стул и вдруг почувствовала знакомое ощущение. Дом, настоящий дом. Не университетская квартира, не кабинет среди книг, а место, где тебя знают всю жизнь. После исчезновения отца им пришлось нелегко. Иногда ей казалось, что семья давно смирилась. Только она одна так и не перестала искать ответы. Талгат Зарипов пропал весной сорок девятого года. Гуляйхе тогда было всего пять. Она почти не помнила его лица, только отдельные детали: запах табака и старых книг, теплую ладонь, голос, читающий сказки перед сном.

После его исчезновения все легло на плечи матери. Рашида работала врачом, дежурила сутками, возвращалась уставшая, но никогда не жаловалась. Сафия помогала воспитывать детей. Аскер рано научился быть серьезным. Марсель, наоборот, решил смеяться за всю семью. И каким-то чудом они справились.

— О чем задумалась? — спросила мать.

— Ни о чем...

— Значит, о многом.

Гуляйха улыбнулась. В этот момент сумка возле двери заметно шевельнулась. За столом воцарилась тишина. Марсель первым повернул голову.

— Так...

Сумка снова дернулась. Из нее показались длинные черные уши. Потом нос. Потом осторожная мордочка Куяна.

— Аллах сакласын*** ... — выдохнула Рашида.

— Это что еще такое?

Кролик выбрался наружу и сел столбиком. Совершенно спокойно, точно всю жизнь прожил в этом доме.

— Знакомьтесь, — сказала Гуляйха. — Это Куян.

— Просто Куян?

— Просто Куян.

— Очень содержательно.

Кролик внимательно посмотрел на Камиля. Потом перевел взгляд на бэлеш****.

— Мне уже нравится этот зверь, — заявил Марсель.

— Потому что он смотрит на еду так же, как ты?

— Потому что он понимает главное в жизни.

Сафия покачала головой.

— Сначала все садятся за стол.

Она взяла нож и аккуратно сняла верхнюю крышечку бэлеша. Изнутри поднялся аромат мяса, картофеля и черного перца. Самовар тихо зашумел. Снаружи за окном капала апрельская вода. Ветер шевелил ветви старой яблони. А здесь, в круге желтого света под абажуром, собралась вся семья. И впервые за последние дни Гуляйха почувствовала, что может позволить себе не думать не о чем. Пока рядом были мама, тетя, братья, горячий чай и большой семейный

бэлеш.

После ужина все постепенно перебрались в гостиную. Само́вар остался на кухне, но запах душицы и свежей выпечки последовал за ними. За окнами уже стемнело. В стеклах отражались огни набережной Казанки, а по потолку медленно скользили тени ветвей старой яблони.

Сафия устроилась в любимом кресле возле лампы.

— Подай-ка мне тот альбом, кызым, — попросила она. Гуляйха сняла с полки толстый фотоальбом в потертой бордовой обложке.

Края страниц пожелтели от времени. Сафия бережно раскрыла его. На старой фотографии стоял молодой парень с непослушными темными волосами. В одной руке книга, в другой — папка с бумагами. Улыбка уверенная, почти озорная.

Гуляйха невольно улыбнулась.

— Папа.

Она помнила эту фотографию. Когда была маленькой, ей казалось, что отец на ней похож на героя приключенческого романа. Теперь же она видела друго. Человека, который уже тогда искал что-то, чего остальные не замечали.

— Ваш отец, — кивнула Сафия. — Второй курс университета. Уже тогда думал, что знает все на свете.

— Потому что знал, — вставил Марсель.

— Нет, потому что был упрямым, — возразила Сафия.

— Одно другому не мешает, — усмехнулся Аскер.

Все засмеялись. Сафия перевернула страницу. На следующем снимке отец стоял возле старого корпуса университета в окружении друзей.

— Его невозможно было выгнать из библиотеки, — сказала она. — Библиотекари уже домой собирались, а он все сидел над своими книгами.

— Прямо как Гуляйха, — заметила мать.

— Точно как Гуляйха, — подтвердила Сафия.

Гуляйха покачала головой.

— Ну спасибо.

— А что спасибо? — удивилась Сафия. — Это хороший диагноз.

— У вас вся семья странная, — заявил Марсель.

— Поздравляю. Ты тоже в ней состоишь, — сухо ответил Аскер.

Марсель задумался.

— Вот это обидно сейчас было.

Снова раздался смех. Куян, лежавший возле кресла, неожиданно поднял голову. Его шерсть на загривке поднялась. Гуляйха заметила это, но ничего не сказала. Сафия тем временем перевернула еще одну страницу. На фотографии отец был совсем молодым. Сидел на берегу Кабана с книгой на коленях. Ветер трепал волосы. Лицо казалось удивительно знакомым. Гуляйха вдруг увидела то, чего раньше не замечала. Такую же привычку слегка хмуриться, когда о чем-то думаешь. Такой же внимательный взгляд. Даже наклон голо-

вы был почти одинаковым.

— Странно, — тихо сказала она.

— Что? — спросила мать.

— Я никогда раньше не замечала, насколько мы похожи.

Гуляйха осторожно коснулась уголка фотографии. Больше всего ее поразило не сходство. А мысль о том, сколько всего отец не успел увидеть. Не увидел, как выросли дети. Как Марсель научился прятать тревогу за шутками. Как Аскер стал опорой семьи. Как мама годами делала вид, что справляется. И как сама Гуляйха постепенно превратилась в человека, которого он, наверное, смог бы понять. От этой мысли стало одновременно тепло и больно. Сафия внимательно посмотрела на племянницу. В ее взгляде мелькнуло что-то большее, чем простая теплота. Можно подумать, что она увидела подтверждение какой-то старой мысли.

— С возрастом это становится заметнее, — мягко сказала она. — Особенно когда человек идет той же дорогой.

В комнате на мгновение стало тихо. Гуляйха опустила взгляд на фотографию. Ей вдруг захотелось расспросить о многом. О его студенческих годах. О книгах. О том, что он искал. И почему некоторые вопросы в семье до сих пор обходили молчанием. Все постепенно разошлись по комнатам. Марсель еще что-то рассказывал Аскеру на лестнице, но их голоса становились все тише. Рашида отправилась отдыхать после долгой дороги. Дом понемногу успокаивался.

На кухне остались только Сафия и Гуляйха. Под потолком

горела старая лампа с матовым абажуром. Ее теплый свет ложился на вышитую скатерть, недопитые чашки и вазочку с мятой. За окнами темнела Казанка. Часы на стене размеренно отсчитывали секунды. Куян свернулся возле печки пушистым клубком. Со стороны казалось, что он спит.

Сафия собирала посуду.

— Давай помогу, — сказала Гуляйха.

— Сиди. Гостя все-таки.

— Я здесь выросла наполовину.

— Тем более сиди.

Гуляйха улыбнулась. Некоторое время они молчали. Сафия знала свою племянницу хорошо. Видела, когда та радуется. Видела, когда злится. И уж точно видела, когда что-то скрывает. Она поставила чашку на поднос и внимательно посмотрела на Гуляйху.

— Ну рассказывай.

— Что рассказывать?

— Не начинай.

Гуляйха отвела взгляд.

— Все настолько очевидно?

— Для других нет. Для меня да.

Она вздохнула. За окном качнулась ветка сирени.

— Последние недели странные, Сафия-апа.

— Из-за пропавших студентов?

Вопрос прозвучал быстро. Точно Сафия ждала именно этого. При упоминании студентов перед глазами сразу

всплыло лицо Лейсан. Улыбка, с которой она в последний раз выходила из аудитории. Гуляйха вдруг поняла, что уже две недели пытается не думать о самом страшном: что Лейсан может быть уже не нужна помощь, а поиски. Гуляйха кивнула.

— И не только.

Сафия медленно села напротив. Гуляйха рассказала про архив. Про символы. Про знаки, похожие на те, что она видела возле Кабана. О сне она решила пока не говорить. Очень личным он казался. Сафия слушала молча. Только пальцы чуть сильнее сжали ручку чашки.

— И что ты об этом думаешь? — спросила Гуляйха.

— Думаю, что старые бумаги иногда хранят больше памяти, чем люди.

— Это не ответ.

— А другого пока нет.

Гуляйха нахмурилась.

— Ты что-то знаешь.

Раздражение вспыхнуло мгновенно. Последние недели все вокруг словно говорили половину правды. Амир недоговаривал. Куян недоговаривал. Теперь и Сафия. Сафия посмотрела на нее долгим взглядом. Не сердиты и не испуганным, а скорее усталым. Этот разговор когда-то должен был случиться.

— Твой отец тоже однажды нашел старую тетрадь.

Сердце пропустило удар. Даже воздух между ними будто

стал тяжелее. В кухне стало тихо. Даже часы начали тикать громче. Гуляйха почувствовала, как отдельные события начинают складываться в цепочку.

— Давно. Еще до твоего рождения.

Гуляйха подалась вперед.

— И ты никогда не рассказывала?

— Не было причины.

— А сейчас появилась?

Сафия некоторое время молчала. Потом тихо сказала:

— Есть двери, которые лучше не открывать раньше времени...

Сафия произнесла это быстро. Словно повторяла фразу, которую говорила себе много лет.

— И это не ответ.

На губах Сафии появилась едва заметная улыбка.

— Упрямая.

— Семейное.

Гуляйха понимала, что давить сейчас бесполезно. Но остановиться не могла. Если рядом существовал ответ, она должна была добраться до него любой ценой.

— Это точно.

У печки Куян вдруг открыл глаза. Одно ухо повернулось в сторону окна. Потом второе. Возможно, он услышал что-то очень далекое. И очень знакомое. Сафия тоже заметила это. На мгновение ее взгляд стал настороженным. Но лишь на мгновение.

— Гуляйха, — тихо произнесла она. — Если найдешь еще такие символы... покажи их мне прежде, чем кому-либо еще.

— Почему?

Сафия посмотрела на темное окно.

— Потому что не все знаки оставляют для тех, кто должен их увидеть.

Ответ прозвучал спокойно. Но от него по спине Гуляйхи пробежал холодок. Где-то за стеной скрипнула старая половица. Куян медленно поднялся на лапы. А Сафия впервые за весь вечер выглядела человеком, который чего-то боится.

Чердак встретил их запахом старого дерева, пыли и времени. Здесь все казалось законсервированным. Прошрое не ушло, а просто терпеливо ждало, когда его снова потревожат. Сафия подняла керосиновую лампу выше. Желтый свет скользнул по стропилам, старым чемоданам, свернутым коврам и сундукам, которые, казалось, помнили еще довоенные годы.

За маленьким круглым окном серебрилась ночь. Казань спала. Только где-то далеко гудел поздний трамвай.

— Не думала, что ты до сих пор все это хранишь, — тихо сказала Гуляйха.

— Некоторые вещи выбрасывать нельзя, — ответила Сафия.

Она говорила спокойно, но после разговора на кухне Гуляйха начала замечать: за многими словами тети прячется

второй смысл. И все чаще Гуляйха ловила себя на том, что ищет скрытый смысл даже там, где его могло не быть. Куян неожиданно выскочил вперед. До этого он лениво следовал за ними по лестнице, но теперь замер возле дальнего угла чердака. Уши вытянулись. Лапа стукнула по полу.

— Что это с ним? — спросила Гуляйха.

— Не знаю, — ответила Сафия, хотя по ее голосу было понятно: знает больше, чем говорит.

Куян снова ударил лапкой. На этот раз прямо возле старого дубового сундука. Большого и почерневшего от времени с медными уголками. Сафия остановилась. Несколько секунд смотрела на сундук. Потом медленно вздохнула.

— Вот ведь упрямый зверь...

— Ты про Куяна или про меня?

— Про вас обоих.

Гуляйха улыбнулась. Сафия присела возле сундука и провела рукой по крышке. Пыль поднялась тонким облаком.

— Это вещи твоего отца.

Впервые за много лет Сафия произнесла так, будто вещи принадлежали человеку, который может вернуться. Гуляйха невольно задержала дыхание. Она столько лет искала следы его жизни по архивам и чужим воспоминаниям. А теперь часть этих следов лежала прямо перед ней. Улыбка исчезла с лица Гуляйхи. Сафия подняла крышку. Старые бумаги, тетради, конверты и фотографии. Запах выцветших чернил и старой бумаги мгновенно перенес ее на десятки лет на-

зад. Она осторожно достала первую папку. На обложке знакомым почерком было написано: «Озеро Кабан. Наблюдения». Сердце забилось быстрее.

На мгновение ей захотелось закрыть сундук обратно. Столько лет она искала следы отца по чужим рассказам и архивным карточкам. А теперь его почерк, его бумаги, его мысли лежали на расстоянии вытянутой руки. Страшно было узнать очень много. Но еще страшнее, снова ничего не узнать.

— Он действительно занимался этим...

— Да, — тихо сказала Сафия.

Гуляйха открыла папку. Внутри лежали карты. Старые схемы береговой линии. Пометки карандашом. Стрелки. Круги. Знаки. Очень похожие на те, что она видела в архивной тетради. Она быстро просмотрела несколько листов и почти сразу заметила закономерность.

Метки располагались не случайно. Большинство отмеченных точек образовывали дугу вдоль северного берега Кабана. Еще две совпадали с местами, где за последние годы происходили необъяснимые происшествия, о которых она читала в газетных подшивках.

Гуляйха нахмурилась и провела пальцем по карте.

— Это не наблюдения, — тихо сказала она. — Он что-то отслеживал.

— Что именно?

— Пока не знаю. Но точки связаны между собой.

Она почувствовала знакомое возбуждение исследователя. Такое же, как во время работы с редким архивным документом. Кто-то оставил подсказку. И она была уверена, что отец сделал это намеренно.

— Сафия апа те же символы.

Сафия молча кивнула. На одном из листов отец сделал пометку: «Знаки повторяются в нескольких местах. Особенно возле северного берега. Возможно, связаны со старой легендой». Ниже было подчеркнуто всего одно слово: «Печать». Гуляйха почувствовала, как по спине пробежал холодок. За последние дни это слово встретилось часто. То самое слово, которое звучало во сне. Она быстро перевернула страницу. Следующий лист оказался исписан рисунками. И в центре символ, почти полностью совпадающий с тем, который она нашла в старой тетради архива.

— Не может быть...

— Может, — негромко ответила Сафия.

Лампа едва заметно дрогнула. Тень скользнула по стене. Куян насторожился. Его взгляд был прикован не к бумагам. К чему-то за ними. В глубине сундука. Гуляйха заметила это. Осторожно отодвинула карты. Под ними лежал свернутый в трубку лист плотной бумаги. Перевязанный выцветшей красной лентой. На ленте темнел незнакомый знак. Не руна, не татарский орнамент. И не символ, который встречался в записях отца.

Сафия резко побледнела.

— Нет... — выдохнула она.

Лампа в ее руке дрогнула. За все годы Гуляйха ни разу не видела, чтобы тетя боялась настолько открыто.

— Что такое?

Тетя смотрела на знак так, как если бы увидела призрак.

— Я думала, он уничтожил.

Впервые за весь вечер Гуляйха увидела на лице тети настоящий страх. Не тревогу. Не грусть. Именно страх. Такой, какой бывает у человека, внезапно встретившегося с тем, что должно было навсегда остаться в прошлом.

— Что именно?

Но Сафия не ответила. Чердак вдруг показался теснее. А Гуляйха впервые поняла, что ее отец не просто изучал тайну Кабана. Он столкнулся с кем-то еще. И очень старался оставить это в прошлом.

* Эни (тат. эни) — мама.

** Исэмне (тат. исәнме) — здравствуй. Исәнмне, эни - здравствуй, мама. Исәнмне, кызым - здравствуй дочка.

*** Аллах сакласын - переводится с татарского языка как «Пусть Аллах сохранит», «Да хранит тебя Аллах» или «Упа-си Бог». Это выражение используется как молитва-оберег.

**** Бәләш (тат. бәләш) в переводе с татарского означает пирог.

Глава 5. Пробуждение Угула.

Весна в Казани только набирала силу. На старых липах проступала первая прозрачная зелень, во дворе университета темнели мокрые после дождя клумбы, а воздух пах сырой землёй и талой водой. После недели лекций и бесконечных консультаций Гуляйха наконец добралась до старого крыла библиотеки КФУ.

Это было ее место. Не кафедра, где студенты засыпали над конспектами. Не шумные коридоры университета. А именно здесь, среди старых шкафов, архивных коробок и книг, которые пережили не одно поколение. Высокие окна библиотеки мутнели от вечернего дождя. На лестнице скрипнули ступени. Где-то далеко хлопнула дверь, и звук прокатился по коридорам.

— Ну здравствуй, иске дусым... старый друг, — тихо пробормотала Гуляйха, поправляя ремень сумки.

Куян шевельнулся внутри. Старое крыло встретило ее густой тишиной. Здесь всегда пахло одинаково: пылью, деревом, чернилами и временем. Этот запах невозможно было спутать ни с чем. Полки уходили вверх, теряясь в полумраке, как корни огромного дерева, вросшего в само здание университета. Когда-то она сидела здесь студенткой: уставшая, растрепанная, с кружкой дешевого кофе и ворохом конспектов. Тогда архив казался ей убежищем. Здесь никто не тре-

бовал ответов. Старые книги были честнее людей: если хранили тайну, то хотя бы не притворялись.

Гуляйха провела пальцами по пыльным корешкам.

— Все на месте даже пыль та же, — усмехнулась она себе под нос.

Под столом тихо стукнула лапка. Куян выбрался из сумки и устроился в тени шкафа. Он не выглядел испуганным, скорее настороженным, как сторожевой зверек, почуявший чужой запах.

— Ладно-ладно, поняла, — шепнула Гуляйха. — Не ворчи. Работаем.

Она медленно двинулась вдоль полок. На старых табличках тускло поблескивали номера фондов. История Поволжья. Архив этнографических экспедиций. Рукописные материалы конца XIX века. Она уже собиралась уходить из секции этнографических материалов, когда заметила между томами. Сначала показалось, что это обычная картотечная папка. Но предмет был тонким. Пальцы машинально скользили по корешкам, пока взгляд не зацепился за узкую щель. Там что-то было. Гуляйха нахмурилась, наклонилась ниже и осторожно вытащила тетрадь в потертой серой обложке

— Хм а ты откуда здесь взялась?

Бумага была желтой, почти ломкой по краям. На обложке не осталось ни имени, ни даты. Только темные пятна и следы пальцев, въевшиеся в ткань переплета. Куян тихо не покричишь зарычал. Гуляйха медленно опустилась на старый

табурет возле стола. Дерево жалобно скрипнуло.

— Ну что ты опять почувствовал?

Она раскрыла тетрадь. Первые страницы были исписаны неровным почерком. Чернила выцвели, кое-где расплылись от времени, но символы сохранились удивительно четко. Гуляйха замерла. Опять эти линии и ломаные узоры. Пальцы похолодели. На миг ей показалось, что кто-то вылил ледяную воду между лопаток. Знаки с Кабана. Она провела пальцем по странице, осторожно, боясь потревожить что-то живое. Чернила казались глубокими.

Куян выбрался ближе и снова тихо стукнул лапкой по полу. Что-то заставило Гуляйху прислушаться. В библиотеке по-прежнему стояла тишина. Но теперь эта тишина казалась наполненной. Кролик слушал. И через мгновение она тоже уловила странное ощущение символы на страницах складывались в ритм. Она быстро перелистнула несколько страниц. Дальше почерк становился нервнее. Между символами появлялись короткие заметки на татарском и русском. Некоторые слова зачеркнуты так яростно, как будто автор хотел стереть их даже из памяти. «Печать держится», «Слышат только свои», «Не смотреть в воду после заката».

Желудок неприятно свело. В памяти вспыхнул берег Кабана и рассказ Сафии о людях, которые слышали голоса из воды. Внезапно строчка перестала казаться суеверием. Гуляйха почувствовала, как внутри неприятно сжалось сердце.

— Бисмилла* — выдохнула она почти машинально.

В библиотеке стало тихо. Даже дождь за окнами исчез. Она подняла взгляд. Полки стояли неподвижно, лампы гудели под потолком, все оставалось прежним и все же воздух изменился. Стал тяжелее. Куян замер. Гуляйха медленно закрыла тетрадь, но ощущение чужого взгляда не исчезло. Наоборот, стало ближе.

— Очень смешно, — тихо сказала она пустоте, хотя голос прозвучал менее уверенно, чем хотелось бы.

Куян не шевелился. Гуляйха снова посмотрела на тетрадь. Теперь символы казались чуть другими. Линии едва заметно дрожали, стоило задержать на них взгляд дольше пары секунд. Она вспомнила рассказы Сафии. Старые семейные сказания, которые в детстве казались красивыми легендами: Хранители, Печать, люди, слышащие то, чего не слышат другие. Тогда она смеялась. Сейчас — почему-то не хотелось. Пальцы крепче сжали обложку.

— Ладно, — тихо произнесла Гуляйха. — Кажется, мы нашли что-то гораздо хуже обычной архивной пыли.

Любой разумный человек отнес бы тетрадь заведующему фондом и забыл о ней до утра. Но чем опаснее выглядела находка, тем сильнее ей хотелось докопаться до истины. Куян тихо стукнул лапкой еще раз. А где-то в глубине старого крыла библиотеки едва слышно скрипнула половица.

На улице давно стемнело. Дождь не прекращался. Когда Гуляйха вернулась домой, коммуналка уже затихла. За стеной кто-то кашлянул, хлопнула дверь, на кухне тонко звяк-

нула ложка об стакан и снова наступила тишина. Только дождь лениво стекал по окну.

Тетрадь лежала на столе. Желтоватые страницы потемнели в полумраке комнаты. Гуляйха сняла пальто, устало потерла переносицу и еще раз посмотрела на символы. Простые линии. Неровные чернила. Ничего необычного, если не считать того, что от них невозможно было отвести взгляд.

Куян сидел рядом на подоконнике. Уши настороженно дрожали.

— Даже не начинай, — пробормотала Гуляйха, ставя чайник. — Я тоже чувствую, что с этой штукой что-то не так.

Кролик тихо стукнул лапкой. Она усмехнулась краем губ: — Отлично. Значит, с ума мы сходим вместе.

Чайник зашипел. Комната наполнилась запахом заварки и старого дерева. За окном медленно качались огни вечернего города. Все выглядело привычным. Нормальным. И все же что-то не давало ей закрыть тетрадь и лечь спать.

Гуляйха не заметила, как задремала прямо за столом. Голова тяжело опустилась на руки, свет настольной лампы размылся золотым пятном и мир качнулся. Сначала пришел звук. Тихий. Далекий. Кто-то шептал на татарском за тонкой стеной воды. После туман медленно выползал из углов комнаты, стелился по полу, обвивал ножки стола. Холодный и густой. Гуляйха резко подняла голову и поняла, что больше не сидит на кухне.

Перед ней тянулась улица. Но это была не обычная Ка-

заны. Фонари светили тускло. Старые дома расплывались в дымке. В лужах отражались крыши, окна, вывески. Только самих отражений людей не было. Гуляйха медленно пошла вперед. Мостовая под ногами казалась влажной и мягкой. Каждый шаг оставлял на камнях темный узор, похожий на руну.

Туман клубился вокруг, как ткань огромного плаща.

— Это уже не похоже на обычный сон — пробормотала она.

Собственный голос прозвучал странно глухо. Улица проглотила его. Где-то впереди мелькнула высокая фигура. Гуляйха замерла. Из тумана медленно вышел Куян. Точнее то, чем он был на самом деле. Высокая темная фигура с длинными ушами. Не зверь и не человек. Его силуэт постоянно менялся, туман не мог удержать форму полностью. Глаза светились золотыми осколками, и этот свет отражался на мокрой мостовой рваными линиями. И Гуляйха слышала звук. Низкий вибрирующий ритм. Куян смотрел на нее спокойно. Почти устало.

— Ну и вид у тебя, малыш — тихо сказала Гуляйха, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Фигура чуть склонила голову.

— Не бойся. Здесь страх быстро становится дверью.

Его голос звучал сразу отовсюду: шелестом, эхом, далеким раскатом набата. Гуляйха нервно усмехнулась:

— Очень ободряюще.

Куян подошел ближе. Теперь она заметила, что его длинные уши едва заметно вибрируют. Наверное, ловят чужие голоса сквозь туман, подумала она.

— Ты слышишь? — спросил он.

Она прислушалась. Сначала был только ветер, а потом шепот. Множество голосов, переплетенных между собой. Старые слова. Татарские, арабские, какие-то совсем древние.

— Что это?

— Память. Теневой Угул хранит то, что люди забывают.

Гуляйха нахмурилась:

— Угул?

— Пространство между явью и тем, что скрыто под ней.

Место, где живут следы старых ритуалов.

Туман впереди дрогнул. На мостовой проступили символы. Те самые с Кабана. Только здесь они двигались. Медленно ползли по камням. Гуляйха отступила на шаг.

— Юлэрлек... безумие какое-то.

Куян посмотрел на нее внимательно:

— Нет. Просто правда, которую твой род долго избегал.

Туман резко закрутился. Фонари погасли один за другим. Из белесой дымки впереди вышел Амир. Серебристое свечение струилось по его пальто и плечам, сама вода Кабана текла прямо по ткани. Его лицо оставалось спокойным, но глаза были тяжелыми.

— Ты все ближе, — произнес он тихо.

Даже здесь его голос звучал странно живым. Гуляйха сжа-

ла кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Злость вспыхнула раньше страха. Последние недели все говорили загадками. Все чего-то недоговаривали.

— Кто вы такие? Чего вы от меня хотите?

Она уже почти разучилась верить словам. Амир посмотрел на символы под ее ногами.

— Не мы привели тебя сюда. Ритуалы узнали кровь.

По мостовой прошла дрожь. Руны вспыхнули тусклым светом. Гуляйха почувствовала холод под кожей. Не страх, а память кто-то очень давно уже стоял здесь до нее.

— Киранча — произнес Куян.

Имя прозвучало тяжело. Туман вокруг дрогнул.

— Кто это? — быстро спросила Гуляйха.

Куян долго молчал.

— Первый Хранитель Печати. Тот, кто закрыл проход между мирами. И тот, кто однажды не смог удержать его полностью.

Почему-то в этот момент она вспомнила отца. Не лицо, а голос. Тот самый вечер у Казанки, когда он сказал ей:

— Некоторые двери открываются только тем, кто принадлежит им по крови.

Тогда она решила, что это очередная сказка. Теперь уже не была уверена. Где-то в темноте раздался низкий гул. На стенах домов проступили рваные символы. Некоторые были перечеркнуты. Некоторые напоминали знаки из тетради. Амир шагнул ближе:

— Орден уже ищет тебя.

Сердце ударило тяжело. Не потому, что она испугалась. Потому что устала. Еще одно имя. Еще одна тайна. Еще один человек, который знает больше нее.

— Почему?

Впервые за весь разговор Амир отвел взгляд.

— Потому что раньше они искали твоего отца.

Сердце пропустило удар. На мгновение исчезли туман, руны и даже сам Угул. Осталось только одно слово «отец».

— Что ещё за такой орден. — Гуляйха замолчала, а потом вспомнила и добавила. — звездных наблюдателей?

Но он не ответил. Его фигура начала растворяться в тумане. Куян резко поднял голову. Туман вокруг ожил. Теперь он двигался быстро. Закручивался вокруг ног Гуляйхи, полз по мостовой, тянулся к рунам.

Шепот стал громче.

— Проснись, — тихо сказал Куян.

— Что....?

— Проснись сейчас.

Тень за спиной Гуляйхи дрогнула. Она резко обернулась и увидела в зеркальной витрине чужое отражение. Высокую фигуру в длинном плаще. Без лица с символом на месте глаз. Сердце ударило так сильно, что воздух исчез из легких. И в тот же миг туман рванулся к ней.

Гул тумана исчез не сразу. Он еще держался, где-то между ударами сердца, между вдохом и выдохом. Затем резко

оборвался. Гуляйха дернулась и резко открыла глаза. Потолок тусклый и знакомый. Коммунальная комната встретила ее утренней неподвижностью. За окном стекло было покрыто мелкими каплями дождя — ночного, уже почти испарившегося. По стеклу медленно стекала вода, оставляя тонкие дорожки, как следы тех символов, что она только что видела.

— Сон — вздохнула она.

Голос прозвучал хрипло. Она села резко. Боялась, что если задержится не выйдет обратно. На подоконнике сидел Кужан. Настоящий, маленький, настороженный, но не спокойный. Тонкая дрожь проходила по всему телу, как по натянутой струне.

Гуляйха смотрела на него долго.

— Ты тоже это видел? — тихо спросила она.

Кролик не ответил, но лапка едва заметно стукнула по подоконнику. В коридоре кто-то прошел, шаркая тапками. Послышался голос Марьям апа: теплый, утренний, с привычной татарской мягкостью:

— Иртанге чэй кайный инде утренний чай уже кипит.

Обычная жизнь. Гуляйха провела ладонью по лицу и резко встала. Подошла к окну. Холод стекла коснулся пальцев. За стеклом двор, мокрый асфальт, серое небо. На подоконнике герань упрямо тянулась к свету. Но отражение На секунду ей в стекле мелькнули линии. Рваные символы из сна. Она моргнула. Ничего.

— Отлично — пробормотала она. — Недосып. Архив. и

куча впечатлений.

Объяснение звучало неубедительно даже для нее самой. Кролик поднял взгляд на окно и настороженно замер.

— Что такое?

Куян не ответил. И в этот момент она почувствовала. не сон, а остаток. Как запах дыма в одежде после костра. Гуляйха резко обернулась. За стеклом ничего не было. Но воздух у стекла едва заметно дрогнул, как рябь на воде. Гуляйха медленно подошла ближе. Сердце билось уже не как после сна, иначе. Глуше и тяжелее.

— Это уже не сон, да? — спросила она почти беззвучно.

Куян не ответил. Но лапка снова стукнула по столу. И на этот раз звук прозвучал отчетливо. Где-то за стеной засмеялись соседи. Включили воду. Загремела посуда. Жизнь продолжалась. Но Гуляйха уже не была уверена, что она осталась в той же самой жизни. Страх подсказывал отступить. Любопытство требовало сделать шаг вперед. И, как всегда, побеждало. В эту минуту она почувствовала, что очень скучает по той себе, которая две недели назад верила только в архивы, книги и научные статьи. Та Гуляйха хотя бы понимала, как устроен мир.

На столе лежала раскрытая тетрадь. На странице медленно проступало новое слово. Чернила появлялись сами собой. Буква за буквой: «Киранча».

Глава 6. Дом между мирами.

Казанское утро у Кабана всегда начиналось одинаково. Озеро лежало спокойно, тяжелое, матовое, как старое стекло. Над водой тянулся легкий туман, не густой, а рассеянный. Ветер с озера был прохладным, с металлическим оттенком сырости и талой воды. Гуляйха шла по мокрой дорожке вдоль сквера, придерживая сумку ближе к боку. Внутри сидел Куян.

— Ты опять молчишь, — тихо сказала она, не глядя в сумку. — Значит, все хуже, чем кажется?

Ответа не было. Только легкое давление и воздух вокруг стал плотнее. Сквер жил обычной жизнью. Дети у воды бросали хлеб уткам, смеясь, когда те спорили за куски. Старики на скамейке обсуждали цены на рынке.

— Бэрэнге* опять подорожала — бурчал один.

— А что ты хотел, весна же, — отвечал другой, щурясь на воду.

Гуляйха остановилась у каменной кромки берега. Камни были старые, неровные, будто их вытолкнуло из земли само озеро. И между ними следы. Не случайные. Не природные. Тонкие линии, пересекающиеся под неправильными углами. Кто-то чертил их спешно, но с пониманием формы. Некоторые знаки были полустерты водой, но все еще читались. Упрямо, как шрам.

Гуляйха присела.

— Это не местное — пробормотала она.

Пальцы осторожно коснулись камня. Холод и под ним странная «пустота». Куян резко дернулся внутри сумки. Она понимала, что поступает глупо. Любой археолог сначала зафиксировал бы находку, сделал снимки, поискал бы объяснение. Но ждать Гуляйха никогда не умела.

— Тише, — прошептала она. — Я вижу.

Куяна внутри сумки напрягся. И тогда он заговорил.

— Это не просто след, — голос его был низким, собранным, совсем не кроличьим. — Здесь прошел знак. Орден.

Слова повисли между ними, как холодные капли.

— Какой еще орден? — Гуляйха не подняла головы, но пальцы сжались сильнее.

— Тот, который не оставляет имен, — ответил он. — Только формы.

Где-то рядом плеснула вода. Гуляйха обернулась. Дети у воды продолжали смеяться, старики продолжали спорить. Никто не видел, как на поверхности Кабана на секунду возникла рябь не круги, а геометрия. Сломанная и неправильная. И тут она заметила еще одно. На внутренней стороне камня — почти у самой воды — была вырезана метка. Маленькая, почти незаметная. Круг, разорванный тремя линиями. Не татарский узор. Не руна из ее исследований.

Гуляйха провела пальцем по символу и камень «ответил» холодом, который прошел вверх по руке.

— Это не старое — тихо сказала она. — Это сделали недавно.

Куян напрягся сильнее.

— Да, — коротко. — И они знали, что ты придешь.

В животе неприятно похолодело. Она привыкла искать людей. Привыкла выслеживать следы. Но мысль о том, что кто-то заранее ждал именно ее, вызывала совсем другое чувство. Из исследователя она внезапно превратилась в объект наблюдения.

Гуляйха машинально достала блокнот и карандаш. Быстро зарисовала символы. Отвлеклась всего на несколько секунд. Когда подняла голову, одна из линий уже исчезла. Она снова посмотрела в блокнот. Рисунок не совпадал.

— Нет — тихо сказала она.

— Они не любят оставаться, — произнес Куян.

Часть ее немедленно захотела возразить. Кролик говорил так, будто знал все наперед. И это раздражало почти так же сильно, как пугало. Ветер с озера изменился, но не усилился. Гуляйха медленно поднялась

— Они следят за мной? — спросила она почти спокойно.

— Они отмечают точки, — ответил Куян. — Людей. Места. Переходы.

Она усмехнулась, но без радости.

— Звучит как расписание лекций.

— Это не шутка, Гуляйха.

Тон его был таким, что она больше не спорила. На воде

снова дрогнула поверхность. И на этот раз не случайно. В отражении, прямо за ее спиной, на долю секунды возникла фигура. Не человек. Не тень. Собранная форма света и пустоты. И исчезла. Гуляйха обернулась, но там были только утки.

— Ты видел? — тихо спросила она.

Куян ответил не сразу. Кончики усов дернулись, а глаза-осколки сузились.

— Не знаю.

— Что значит «не знаешь»?

— Раньше такого не было.

И впервые в его голосе не было уверенности.

— Это только первая метка, — добавил он. — Орден не приходит сразу. Он размечает дорогу.

— Ты боишься? — спросила Гуляйха.

Куян долго молчал.

— Да.

Именно это напугало ее больше всего. Где-то далеко, за линией воды, на другом берегу Кабана, туман сгустился чуть плотнее. Почти незаметно. Почти случайно. Но Гуляйха уже смотрела туда. И теперь берег больше не казался просто берегом. Он был страницей. И кто-то только что начал на ней писать.

Переулок возле Кабан-озера не был отмечен ни на одной туристической карте. Даже местные проходили его автоматически, не задерживая взгляда. Гуляйха остановилась

у конца узкого прохода между старыми кирпичными стенами. Дом стоял в конце переулка, забытый временем. Перекошенные стены, провалившаяся крыша, пустые глазницы окон. Место, куда не заглядывают без необходимости.

— Ты уверен? — тихо спросила она.

Сумка едва заметно шевельнулась. Куян не ответил словами, но его напряжение было ответом. Он резко подался вперед и в следующий момент Гуляйха почувствовала странное смещение. Послышалось, что пространство «щелкнуло». Руины остались снаружи.

А она уже внутри. Тишина здесь была другой. Гуляйха застыла. Архивы, факты и научные статьи не готовили ее к тому, что дома могут быть целыми внутри руин. Дома не могут быть целыми внутри разрушенных стен. Пространство не может складываться само в себя. Кролики не могут говорить. Последний спор она, впрочем, уже проиграла.

Гуляйха зажмурилась и открыла глаза снова. Ничего не изменилось. Дом по-прежнему был целым. Сердце забило чаще. Хуже всего было не то, что происходящее невозможно. Хуже было то, что она больше не могла придумать ни одного разумного объяснения.

— Ладно... — пробормотала она. — Надеюсь, у этого безумия хотя бы есть логика.

Гуляйха медленно огляделась. Стены были целыми. Пол деревянный, теплый на вид, без следов разрушения. В воздухе стоял запах воска, старой бумаги и чего-то влажного,

как после дождя у озера.

— Это иллюзия?— Нет. Память, которая отказалась исчезать.

Он выбрался из сумки. И Гуляйха опять увидела его полностью. Не кролик. Фигура выше человеческого роста, вытянутая, тонкая, собранная из тени и памяти. Длинные уши Куяна разошлись в разные стороны. Одно было направлено к лестнице, второе вверх, словно он слушал не дом, а несколько слоев мира одновременно. В глазах отражались не предметы, а события.

Гуляйха вздохнула и достала небольшую деревянную пластинку с вырезанным треугольником.

— Руна Зирэк. — задумчиво произнесла Гуляйха. — Если уж лезть в неизвестность, то хоть понимать куда.

Она провела пальцем по знаку и начертила в воздухе треугольник. Серебристая линия вспыхнула и исчезла.

— Зирэк... покажи, что скрыто.

Воздух вокруг натянулся. Шум улицы отдалился. Она увидела переулок иначе. Кирпичные стены покрывали тонкие светящиеся нити. Они тянулись вперед, сходились в одной точке и исчезали внутри руин. А сами развалины... нет, не были развалинами. Проступал другой силуэт — высокий дом с целыми окнами и темной крышей. Видение длилось всего несколько секунд. Гуляйха открыла глаза и поморщилась от легкой боли в висках.

— Руины — это только оболочка, — тихо сказала она.

Глаза-осколки вспыхнули мягче.

— Тогда мы пришли правильно.

И в следующий миг пространство вокруг щелкнуло. Куян сидел уверенно. Как тот, кто знает дорогу здесь лучше любого живого.

— Иди за мной, — сказал он.

Гуляйха остановилась у входа. Если она шагнет дальше, пути назад уже не будет. Можно было развернуться. Вернуться в университет. Списать все на усталость. Забыть про Кабан, Печать и говорящего кролика. На секунду это показалось очень разумным решением.

— Ты ведь все равно войдешь, — сказал Куян.

— Ненавижу, когда ты прав.

Он двинулся по коридору, и Гуляйха пошла следом. Дом был больше, чем казался снаружи. Коридор уходил дальше, чем позволяли стены руин. Под ногами тихо поскрипывали старые доски. Из глубины доносилось мерное тиканье часов. Первая дверь была приоткрыта. Гуляйха осторожно заглянула внутрь. Крошечная комната. Железная кровать. Стол под зеленой лампой. Стопки конспектов и раскрытые книги по рунам. На стене висели пожелтевшие листы с формулами и заметками, сделанными торопливым почерком. Казалось, хозяин вышел всего несколько минут назад. На столе лежала раскрытая тетрадь. Между страниц торчал старый трамвайный билет. Рядом стояла чашка с засохшим чайным следом на дне.

— Общежитие, — тихо сказал Куян.

— Амира?

Он кивнул.

— Здесь он еще был просто человеком.

Гуляйха провела взглядом по столу. Исписанные листы. Старые конспекты. Трамвайный билет между страницами. Сложно было представить, что человек, оставивший после себя эту комнату, теперь приходит к ней из снов и говорит о Печати между мирами. Между страниц лежала старая библиотечная карточка. В графе «Выдал» подпись давно выцвела. Осталась только первая буква «С». Гуляйха провела пальцами по спинке стула. Почему-то стало больно. Не из-за Амира. Из-за того, что у любого призрака когда-то была обычная жизнь. Дом, учеба, семья. И кто-то однажды потерял все это.

Гуляйха задержала взгляд на фотографиях, приколотых над столом. Молодые лица. Улыбки. Планы на будущее. Она почему-то быстро отвернулась. Куян уже шел дальше. Следующая дверь открылась в просторную комнату старого татарского дома. На стенах висели семейные фотографии. У окна стоял книжный шкаф. На вешалке темное мужское пальто. Из глубины дома доносился запах дерева, старых книг и давно остывшего чая. Время здесь остановилось. На подоконнике лежали очки. В кресле остался недочитанный журнал. Возле печи стояли женские туфли.

— Это его родители? — спросила Гуляйха, разглядывая

фотографии.

— Да.

Голос Куяна прозвучал непривычно мягко.

— Здесь он всегда возвращается домой.

Они прошли дальше по коридору. В конце виднелось еще несколько дверей. Одна была закрыта наглухо. Другая едва заметно светилась изнутри. Гуляйха остановилась.

— Что там?

Куян застыл.

— Не сегодня.

— Что за дверью?

Хвост нервно хлестнул по полу.

— Нет.

— Ты даже не посмотрел.

— И не буду.

— Почему?

— Потому что я не уверен, что оно еще помнит Амира.

Он развернулся и повел ее обратно в большую комнату. Там, в углу, покачивался на тонкой цепочке амулет. Свет от него был мягким и живым. Точно он не освещал дом, а помнил его. Сзади раздался тихий шаг. Гуляйха обернулась. Амир стоял у стола. Спокойный и реальный, а не тень, не отражение. Человек, который выглядел так, словно его существование было согласовано с самим пространством комнаты. Темные волосы, чуть влажные, как после воды. Серо-стальные глаза те же, что она видела в отражениях. Паль-

цы спокойно лежали на краю стола.

— Ты быстро нашла дорогу, — сказал он.

Голос был тихим. Почти домашним. И от этого еще более тревожным.

— Или ты не теряла ее, — добавил он.

Гуляйха не ответила сразу. Она оглядела комнату.

— Снаружи здесь руины.

— Для остальных это просто руины, — спокойно ответил Амир. — Они видят только оболочку.

Он слегка кивнул на амулет.

— Внутри находится один из узлов Печати.

— Печати?

— Той самой, что удерживает границу между мирами.

Амир помолчал.

— Твой род был связан с ней дольше, чем ты думаешь.

Гуляйха медленно сжала пальцы.

— Мой отец исчез из-за этого?

На секунду в комнате стало холоднее. Амир не отвел взгляд.

— Он не исчез. Его забрали из контура, когда узел дал слабинку.

При упоминании отца боль поднялась мгновенно острая, как в первые месяцы после его исчезновения.

— И ты молчал?

В комнате стало тихо.

— Все это время ты что-то знал и молчал?

— Я не мог вмешиваться.

Гуляйха почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

— Подожди.

Она шагнула ближе.

— Если его забрали..?

Голос дрогнул.

— Значит, он жив?

— Где он?!

Она вскинула руку, собираясь схватить его за плечо. Пальцы встретили сопротивление, словно воздух стал плотнее. Не пустоту. Не тело. Что-то между. Гуляйха отдернула руку, будто обожглась. И впервые за все время ее испугал не ответ Амира. А то, что она до сих пор не понимала, кто стоит перед ней. Амир не шелохнулся. Только в серо-стальных глазах появилась усталость.

Амир молчал долго.

— Для тебя, может быть.

Гуляйха шагнула вперед. Его спокойствие вдруг показалось жестоким. Он говорил об отце так, словно обсуждал архивный документ, а не живого человека.

— Ты появляешься в моих снах. Говоришь загадками. Теперь рассказываешь про отца. И хочешь, чтобы я просто поверила?

Амир выдержал ее взгляд.

— Нет.

— Тогда чего ты хочешь?

— Чтобы ты сама увидела правду.

— Красиво звучит. Почти академично.

— Это и есть система, — ответил он. — Она всегда выглядит аккуратно. Даже когда ломает людей.

Куян шагнул ближе к столу. Его усы дрогнули, реагируя на амулет.

— Он нестабилен, — сказал он. — Его уже трогали.

Амир кивнул.

— Орден.

— Когда Орден появляется рядом с узлом, сначала исчезают записи. — добавил Амир. — Потом люди. А уже потом начинают рушиться сами Печати. Они предпочитают, чтобы никто не заметил порядок событий.

Гуляйха резко подняла взгляд.

— Значит, они нашли этот дом?

— Они всегда были здесь, — спокойно ответил Амир. — Просто теперь они начали собирать сеть обратно.

Он слегка наклонился вперед.

— И ты — часть узла, который они ищут.

— Нужно уходить, — резко сказал Куян.

Амир покачал головой.

— Уже поздно.

Куян опустил взгляд и тихо втянул воздух.

— Ты всегда так говорил.

В комнате стало заметно холоднее. Гуляйха перевела взгляд с одного на другого.

— Вы знакомы гораздо дольше, чем рассказываете.

Никто не ответил. Где-то за стеной, в «руинах» снаружи, ветер прошел сквозь пустые окна. Но внутри дома не было ветра. Здесь было только напряжение. И тишина, которая больше не казалась безопасной. Гуляйха медленно посмотрела на амулет. Свет в нем чуть усилился.

— Если я часть узла — тихо сказала она. — Значит, я могу его закрыть?

Амир не сразу ответил. Потом едва заметно:

— Или открыть полностью.

Куян резко поднял голову. Его глаза-осколки вспыхнули ярче.

— И тогда, — добавил он, — станет видно все, что было скрыто. И все, что было запечатано.

Где-то за стенами дома прошел ветер. Но внутри тишина. Плотная, как натянутая ткань. Амулет качнулся. Один раз. Потом снова. Усы Куяна дрогнули.

— Он реагирует, — тихо сказал Куян.

Свет в амулете изменился и стал глубже. Внутри него что-то проснулось.

— Это плохо? — спросила Гуляйха.

Амир не ответил сразу.

— Он тебя узнал, — сказал он наконец.

— Узнал?

— Узлы Печати помнят прикосновения, — спокойно сказал он. — Даже если они были в другом месте.

Амулет качнулся снова в ее сторону.

— Это не реакция, — сказал Куян. — Это отклик.

Тишина изменилась и дом стал больше, чем комната.

— На что он откликается? — спросила она.

Амир посмотрел в сторону города.

— На узор. Такой же, как уже появился в Казани.

В воздухе дрогнуло ощущение направления — тонкая нить, уходящая сквозь улицы. Где-то за Слободой отозвался тот же импульс.

— Мечеть, — тихо сказала Гуляйха.

Куян кивнул.

— Он ведет туда.

— И лучше увидеть это раньше, чем Орден, — произнес Амир.

Гуляйха посмотрела на него. Впервые за все время она увидела в его глазах беспокойство. Настоящую тревогу. За стенами дома шумел ночной город. Где-то далеко над Казанью поднимались освещенные минареты. Амулет вдруг качнулся сильнее. Один раз. Второй. Словно кто-то невидимый коснулся его с другой стороны. Уши Куяна мгновенно прижались. Амир резко обернулся к окну.

— Поздно.

— Что поздно? — спросила Гуляйха.

Никто не ответил. Амир резко повернул голову к окну. И впервые за все время его фигура дрогнула. Будто изображение на воде, по которому прошла рябь. На мгновение сквозь

него проступила стена комнаты. Уши Куяна мгновенно прижались к спине. Амир медленно поднял руку, словно прислушиваясь не к звукам, а к самому пространству.

— Нет — тихо произнес он.

В его голосе исчезло привычное спокойствие.

— Нет. Они уже здесь.

Куян одним прыжком оказался рядом с Гуляйхой. Глаза-осколки горели так ярко, что в них отражались нити света вокруг амулета. И впервые за все время она услышала в его голосе не раздражение, не насмешку, а настоящий страх.

— Бежим.

Не «уходим». Не «нужно уходить». Просто:

— Бежим.

Оба уже смотрели куда-то за пределы дома. Туда, где над городом сгущался туман. Гуляйха тоже посмотрела в окно. И впервые за все время ей захотелось не идти навстречу тайне. А оказаться как можно дальше от нее. Потому что если испугались Амир и Куян, значит приближалось нечто гораздо хуже всех загадок, которые она успела узнать.

Глава 7. Майский зов

Стекло на кухне дрогнуло от ветра. Гуляйха проснулась еще до звонка будильника. Несколько секунд лежала неподвижно, слушая, как за окном шумит мокрый май. Ночь ушла, но серое утро так и не решилось стать днем. Где-то во дворе хлопнула дверь подъезда. Вдалеке глухо гудели машины.

Куян уже не спал. Он сидел на подоконнике и смотрел не на улицу, а куда-то сквозь нее. Его уши медленно поворачивались, словно он пытался уловить звук, который приходил сразу с нескольких сторон.

— Даже не спрашиваю, что ты опять услышал, — пробормотала Гуляйха.

Кролик резко посмотрел.

— Один и тот же зов.

— Откуда?

— Если бы я понимал, было бы проще.

Это прозвучало так серьезно, что сон окончательно исчез. Гуляйха не сразу поднялась. Несколько секунд сидела на кровати, слушая, как за стеной Марьям апа ругается с чайником, а в коридоре кто-то сонно ищет тапочки. Обычное коммунальное утро. И от этого становилось только тревожнее.

Она раскрыла настенный календарь. Первое мая. Выходной.

— Все люди отдыхают, — пробормотала она. — А я бегаю за призраками.

— Не за призраками, — буркнул Куян. — За тем, что очень хочет, чтобы его нашли.

Амулет на столе коротко вспыхнул золотой искрой. Гуляйха замолчала. Куян медленно повернул голову.

— Видела?

— Да.

— Раньше такого не было.

Гуляйха бросила взгляд на конспекты, лежавшие на столе. Недописанная статья о болгарских надгробиях, стопка студенческих работ, книга по древнетюркским символам. Еще месяц назад это и было всей ее жизнью. А теперь она просыпалась с мыслями о рунах, тенях и голосах. И хуже всего было то, что это постепенно переставало казаться невозможным.

На столе лежал амулет из Дома между мирами. Металл потемнел, а внутри прозрачного камня плавала тусклая золотая искра. Гуляйха осторожно коснулась его. Амулет нагрелся.

Начало мая принесло в Казань влажный ветер и запах мокрой земли. После ночного дождя сквер возле Старо-Татарской слободы выглядел почти пустым. Лавки блестели каплями, между камнями мостовой еще стояли лужицы. Вдалеке шумел город, но здесь было удивительно тихо.

— Первое мая, — усмехнулась Гуляйха. — Все отдыхают,

а я ищу неведомо что.

— Оно ищет тебя быстрее, — отозвался Куян.

Кончики усов едва заметно качнулись.

— И мне это совсем не нравится.

Мечеть поднималась над деревьями спокойно и строго.

Мокрый кирпич потемнел, а минарет растворялся в низких облаках. Гуляйха остановилась. Амулет под курткой стал горячее.

— Здесь?

Куян не ответил. Он застыл, прислушиваясь сразу к нескольким слоям звука.

— Нет

— В каком смысле?

Он выглядел растерянным.

— Зов раздваивается. Нет... даже больше.

Гуляйха медленно подошла к каменной ограде. Но амулет нагрелся еще сильнее. Она присела. И увидела на внутренней стороне одного из камней символ. Небольшой и нарисованный золой и солью. Круг, перечеркнутый тремя линиями. Тот же знак ордена. Совсем свежий. Дождь еще не успел его смыть.

— Юлэрлек — выдохнула Гуляйха.

Пальцы сами потянулись к камню.

— Не трогай! — резко сказал Куян.

Но было поздно. Едва она коснулась поверхности, холод прошел по руке. И что-то изменилось. Мир остался прежним

и одновременно стал другим. Камень под пальцами больше не был камнем. Под серой поверхностью медленно проступали руны. словно они находились внутри породы. Древние линии переплетались друг с другом, уходили глубже, образуя узор, которого не существовало мгновение назад. Гуляйха отдернула руку. Все исчезло. Остался только мокрый камень.

Шерсть на загривке кролика поднялась.

— Я слышал того, кто здесь был.

Она вновь перевела взгляд на знак.

— Орден?

— Их след. Я его узнаю.

— Они знают про мечеть?

— Нет, — произнес Куян. — Они знают про тебя.

Почему-то вспомнился отец. В детстве он часто водил ее в Старо-Татарскую слободу. Покупал горячие перемячи, рассказывал про дома и каждый раз говорил одно и то же:

— Камень помнит дольше человека.

Сейчас эта фраза прозвучала совсем иначе. Камень действительно помнил. Люди исчезали. Годы проходили. А след оставался. Но если он говорил это не просто так?

— О чем задумалась? — спросил Куян.

— Об отце.

Кролик сразу замолчал. И это молчание было красноречивее любых слов. Ветер пронес по скверу запах сырой земли и цветущей черемухи. Где-то на дороге прогрехотал ав-

тобус. Только сердце вдруг забилося быстрее.

— Значит, они уже ищут меня.

— Нет.

Куян смотрел куда-то за ее плечо.

— Нашли.

На другой стороне улицы стоял мужчина. Самый обычный в сером пальто, зонтом и газета под мышкой. Ничего особенного. Но стоило ей встретиться с ним взглядом, как незнакомец едва заметно улыбнулся. И коснулся пальцами виска. Потом спокойно развернулся и пошел прочь.

Что-то в нем было неправильно. Не лицо, не одежда, а спокойствие. Казалось он стоял здесь не случайно и ждал именно этого момента. На секунду ей показалось, что он знает ее не хуже, чем она сама.

— Эй!

Гуляйха бросилась через дорожку. Но за углом уже никого не было. Только ветер гонял мокрые листья. Она остановилась.

— Исчез?

Глаза-осколки потускнели.

— Нет. Они знали, где ты будешь.

И впервые за все время Гуляйха слышала в его голосе не тревогу, а страх. Она остановилась.

— Он не убегал.

— Что?

Она вспомнила улыбку и короткое прикосновение паль-

цев к виску.

— Спокойно для слезки.

Куян ничего не ответил.

— Значит, это было послание?

Только теперь он тянул не к мечети. Куда-то дальше, вглубь Старо-Татарской слободы. Туда, где за двором и покосившимися воротами пряталось место, о котором Амир запрещал даже спрашивать.

— Мне это не нравится, — сказал он.

— Мне тоже.

— Они оставили записку заранее.

Его голос стал ниже.

— Они знают про отца.

Гуляйха нахмурилась. Ветер прошел по скверу, стряхивая капли с ветвей. На соседней скамье лежала забытая газета. Или ее не было раньше?

— Куян

— Не подходи.

Но она уже шла. Газета оказалась сухой. На ней не было ни заголовков, не фотографий. Только один сложенный вдвое листок. Внутри неприятно кольнуло.

— Кто-то шутит?

— Здесь никто не шутит, — выдохнул Куян.

Гуляйха развернула записку. Почерк был ровный, старомодный. «Не ищи Кара-Таш». Она несколько секунд смотрела на строчку. Имя уже преследовало ее. Дневник пропавше-

го студента. Архивная пометка сорок девятого года. Молчание Амира. Теперь еще и это предупреждение. Много совпадений для одного названия. Для историка совпадения были почти оскорблением. Если один и тот же след возникает снова и снова, значит, кто-то ведет тебя к нему. Или заманивает. Значит, Кара-Таш был не ответом. Он был центром вопроса. Она закрыла глаза на несколько секунд. Историки любят факты. Факты не оставляют записок на скамейках. Факты не знают твоего имени.

Почерк показался знакомым. Не сами буквы. Будто она уже видела такие записи. Но где вспомнить не смогла. Она почувствовала, как внутри все похолодело.

— Откуда они знают? — прошептала она.

Гуляйха снова посмотрела на ровный почерк.

— Если это Орден, зачем предупреждать?

Куян отвел взгляд.

— Поэтому я и думаю, что это не они.

Уши кролика дрогнули

— Тогда тот, кто написал это, знает о Кара-Таше больше нас.

— И хочет, чтобы я держалась подальше.

— Или наоборот.

Куян запрыгнул на спинку скамьи и поднял голову к небу.

— Чтобы ты пошла именно туда.

— Что-то не так?

— Так раньше не было.

— Что именно?

— Такая тишина.

Он спрыгнул на землю. По шерсти пробежала дрожь.

— Не ищи их.

— Почему?

— Потому что он не прячется.

От этих слов стало не по себе.

— Тогда кто он?

Куян помолчал, глядя на липы.

— Они ходят не одни.

— О чем ты?

— За ним кто-то стоит.

Гуляйха резко посмотрела туда. Между деревьями никого. Только тени. И все же на секунду ей показалось, что одна из них шевельнулась против ветра. Амулет под курткой нагрелся. Почти обжег. Она сжала его через ткань.

— Амир знает, кто это?

Куян замялся.

— Он всегда нервничал, когда слышал про это

— Что значит нервничал?

Кролик отвел взгляд.

— Будто уже однажды туда заглянул.

— Тогда нужно найти его.

— Мы поздно начали искать ответы.

Холод прошел по спине.

— О чем ты?

Кролик поднял взгляд.

— Они знают твоё имя.

У киоска мальчишка покупал мороженое. Две девочки спорили из-за мяча. Мир продолжал жить. Потом весь день эта фраза не выходила у нее из головы. Даже дома ей казалось, что кто-то стоит за окном и смотрит на ее окна.

Ветер над Кабаном усилился. В ветвях деревьев что-то сухо затрещало. И тогда Гуляйха услышала. Тот самый ритм. Тот самый гул, который впервые возник в тетради. Он возвращался медленно. Не из-под земли. Не со стороны воды. А сверху, из серого майского неба.

Дождь начался после полуночи. Мелкий, упрямый, он стучал по стеклу так ровно, будто кто-то отмерял время. Коммуналка давно затихла. Только у Марьям апа на кухне горел слабый свет. Она любила вставать затемно и ставить тесто на губадию. Часы показывали 03:29.

Гуляйха проснулась резко. Не от шепота. От тихого, ровного стука. На подоконнике сидел Куян. Его уши были направлены на письменный стол. Конспект, оставленный вечером открытым, медленно перелистнул страницу. Еще одну и замер. Воздух в комнате был неподвижен. Гуляйха подошла ближе.

— Сквозняк?

Куян тихо стукнул лапкой.

— Нет.

На пустом листе проступило пятно. Словно бумага намочила изнутри. На пятне появились буквы. Неровные, будто их выводила дрожащая рука: «Кара-Таш». Гуляйха почувствовала, как сердце пропустило удар.

— Очень смешно.

И тут под первыми словами появилось еще одно. «Поздно». Куян вскочил на стол. Шерсть вдоль позвоночника поднялась дыбом.

— Это не Орден, — тихо сказал он.

— Тогда кто?

Куян долго смотрел на проступающие чернила.

— Кто-то, кого давно уже не должно быть.

— Откуда ты знаешь?

— Орден предупреждений не оставляет.

Чернила расплзлись. Страница стала совсем темной. И прямо под словом «Кара-Таш» возникло еще одно: «Слобода». Гуляйха медленно опустилась на стул.

— Старо-Татарская

— Да, — тихо сказал Куян.

Он не отрывал взгляда от листа.

— Кто-то зовет тебя туда.

Кролик посмотрел на нее серьезно.

— Вот это меня и пугает. Потому что голос я не узнаю. А я помню почти всех.

За окном гроыхнул первый утренний трамвай. Чернила

на бумаге начали исчезать. Через несколько секунд лист снова стал пустым. Только в самом углу страницы остался маленький знак. Три пересекающиеся линии. Точно такие же, как на камне у мечети.

Гуляйха еще несколько секунд смотрела на пустую страницу.

— Ну нет, — тихо сказала она. — Никуда я не пойду. Хватит с меня.

Куян сидел на подоконнике, поджав лапы. Его уши были прижаты к голове.

— Я бы тоже никуда не пошел, — мрачно ответил он. — Но, кажется, нас никто не спрашивает.

Из кухни доносился голос Марьям апа, разговаривающей с соседкой о ценах на картошку и первомайских выходных. Именно поэтому звонок в дверь прозвучал так резко, что Гуляйха вздрогнула.

— Кого еще принесло?

Куян мгновенно спрыгнул на пол. Низкое рычание совсем не походило на кроличье.

— Не открывай.

— Почему?

— Потому что я уже слышал этот запах.

Но звонок повторился. Марьям апа выглянула из кухни.

— Кызым, к тебе кто-то пришел!

Гуляйха вышла в коридор. Дверь коммуналки скрипнула. На площадке никого не было. Только лампочка под потолком

покачивалась от сквозняка.

— Очень смешно, — пробормотала она.

И тут заметила коробку без надписей. Куян появился рядом. Шерсть на загривке стояла дыбом.

— Не трогай.

— А что, по-твоему, она сама откроется?

— Лучше бы сама.

Гуляйха осторожно внесла коробку в комнату. От нее пахло сыростью и чем-то знакомым. Куян не сводил глаз с коробки.

— Я знаю этот запах.

— Что внутри?

— Не знаю. И знать не хочу.

Она подняла крышку. Внутри лежал камень. Обычный речной камень размером с ладонь. Но по его поверхности проходил рунный знак Ордена. Тот самый круг, перечеркнутый тремя линиями. Гуляйха похолодела. Под камнем лежала черно-белая фотография.

— Нет

На снимке улыбался отец. Молодой в потертой кожаной куртке. У Кабана, с удочкой в руках. Гуляйха сразу вспомнила тот день. Отец тогда почти час освобождал чайку, запутавшуюся в леске. Домой они вернулись без рыбы. За то счастливые. Она любила эту фотографию больше всех остальных. Именно поэтому знала наверняка: снимок исчез много лет назад, вместе с отцом. Пальцы дрогнули. Кто-то не просто

нашел фотографию. Кто-то все это время хранил ее.

Несколько секунд она просто сидела, держа снимок обеими руками. Будто боялась, что стоит отпустить его и фотография снова исчезнет на долгие годы. Она помнила, как после исчезновения отца перевероришила весь шкаф в поисках этого снимка. Мама тогда сказала, что фотография, наверное, потерялась. Но Гуляйха знала: она просто исчезла вместе с ним.

Руки задрожали. Горло сжалось. Она помнила смех отца, запах горячих эчпочмаков и собственную детскую обиду. Тогда ей казалось, что он ушел по своей воле. Только годы спустя она призналась себе, что больше всего на свете хочет еще раз услышать его голос. А теперь фотография вернулась сама.

В память врезался человека в сером пальто возле мечети. Впервые почувствовала, что эти события связаны между собой.

— Орден?

Куян не ответил.

— Или тот, кто был рядом с ним?

В детстве ей казалось, что у отца не было секретов. Он смеялся громче всех, вечно опаздывал и постоянно терял ключи. Такие люди не исчезают в тайнах. Они просто возвращаются домой, но отец не вернулся. И чем больше Гуляйха узнавала о Кара-Таше, тем труднее становилось отделаться от мысли, что она никогда по-настоящему его не знала. На

обратной стороне фотографии было написано: «Узел еще не закрыт».

Она медленно опустилась на край кровати.

— Что это значит?

Почерк был не отцовский и не мамин. Но Гуляйха уже видела его сегодня. На записке возле скамьи. Куян понюхал фотографию и отшатнулся. Его глаза стали узкими.

— Это они.

— Откуда ты знаешь?

Куян понюхал фотографию и сразу отшатнулся.

— Запах.

— Какой?

Куян посмотрел на фотографию.

— Такой же был на людях, которые приходили за Амиром.

— За Амиром?

Куян кивнул.

— А за отцом?

Кролик отвел взгляд.

— Не знаю.

Но именно это молчание напугало ее сильнее ответа. Тишина в комнате стала тяжелой. Дождь за окном усилился.

— Значит отец

Слова застряли в горле. Она не смогла договорить. Куян опустил взгляд.

— Не знаю.

И это было страшнее любого ответа. Гуляйха перевернула фотографию еще раз. И только сейчас заметила. В углу снимка, почти незаметно, отражалась фигура. Он стоял далеко за спиной отца. Далеко, чтобы попасть в кадр случайно. И все же попал. Гуляйха почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Потому что она уже видела этот силуэт сегодня в сквере. Человек в сером пальто.

На миг перед глазами возникло лицо Лейсан. Не мертвой, а живой, улыбающейся. Уверенной, что впереди еще много времени. В груди болезненно кольнуло. Если она не смогла уберечь даже Лейсан, что сможет сделать теперь, когда в эту историю оказался вплетен отец? Гуляйха сильнее стиснула фотографию. Нет, страх долго решал за нее. Гуляйха уже хотела положить фотографию обратно, когда ей показалось, что глаза человека в сером пальто стали чуть ближе.

Она моргнула. На снимке ничего не должно меняться.

— Куян

Кролик посмотрел на фотографию.

— Убери ее, — глухо сказал он.

— Почему?

Он не ответил. Потому что на фотографии человек в пальто больше не смотрел на отца. Он смотрел на них.